

ОСТАЛОСЬ 9 ИГРОКОВ.
НО И ПРАВИЛА ИГРЫ ИЗМЕНИЛИСЬ.

ENDGAME
КЛЮЧ НЕБА

ДЖЕЙМС ФРЕЙ
НИЛЬС ДЖОНСОН-ШЕЛТОН

**Джеймс Фрей
Нильс Джонсон-Шелтон
Ключ Неба
Серия «Endgame», книга 2**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14128609
Endgame: Ключ Неба: роман / Джеймс Фрей, Нильс Джонсон-Шелтон: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-093196-5*

Аннотация

Последняя Игра продолжается. Найден Ключ Земли. Осталось еще два ключа и девять Игроков. Ключи должны быть найдены, победителем станет только один.

Нью-Йорк. Район Куинс. Эшлинг Копп верит в невозможное: Последнюю Игру можно остановить. Но она не успевает добраться домой, чтобы выбрать новую тактику, как попадает в руки ЦРУ. Там знают о Последней Игре, ее Игроках. Эшлинг предлагается принять их помощь, и выхода у нее нет.

Эфиопия. Аксумское Царство. Хиляль ибн Иса Ас-Сальт чудом выжил после нападения, однако остался изуродованным. Он знает то, о чем неизвестно другим Игрокам. А еще Аксумиты уже много веков являются Хранителями тайны, которая сможет спасти человечество и даже, возможно, победить тех, кто стоит за Последней Игрой.

Англия. Лондон. Сара Алопай нашла первый Ключ. С ней Яго – и они побеждают. Но какую цену пришлось заплатить Саре... И единственная возможность справиться со эмоциями – продолжать Играть. Играть чтобы победить.

Ключ Неба – чем бы он ни являлся, где бы он ни находился – нужно найти. И девять оставшихся Игроков ни перед чем не остановятся, чтобы сделать это.

Содержание

Малышка Элис Чопра	6
Сара Алопай, Яго Тлалок	10
Хиляль ибн Иса Ас-Сальт, Эбен ибн Мохаммед Аль-Джулан	15
Элис Улапала	18
Ань Лю	22
Маккавей Адлай, Байцахан	28
Эшлинг Копп	32
Яго Тлалок, Сара Алопай	37
Элис Улапала	44
Шари Чопра и вожди Хараппанской линии	46
Ань Лю	53
Хиляль ибн Иса Ас-Сальт, Эбен ибн Мохаммед Аль-Джулан	60
Ань Лю	68
Сара Алопай, Яго Тлалок	72
Эшлинг Копп	76
Маккавей Адлай, Екатерина Адлай	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джеймс Фрей, Нильс Джонсон-Шелтон

Ключ Неба

JAMES FREY and Nils Johnson-Shelton
ENDGAME: The Sky Key

Печатается с разрешения агентств William Morris Endeavour
Entertainment LLC и Andrew Nurnberg Associates International Ltd c/o Andrew Nurnberg
Literary Agency

Copyright© 2015 by Third Floor Fun, LLC
Puzzle hunt experience by Futurruption LLC
Additional character icon design by John Taylor Dismukes Association a Division
of Capstone Studios, Inc
All rights reserved

© 2015, ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке

* * *

*Эта книга – загадка.
Расшифровывайте, разгадывайте, трактуйте.
Ищите и находите.
И вы найдете, если вы этого достойны.*

<http://eg2.co/200>

90 дней.

Малышка Элис Чопра

Индия, Сикким, Гангток, дом семейства Чопра

– Тарки, Тарки, Тарки...

Облака бегут над Гималаями, заснеженные склоны ярко сверкают под солнцем. Гора Канченджанга, третья вершина мира, нависает над городом, где все идет, как обычно: шопинг, работа, обеды, выпивка, учеба, отдых, смех. Сто тысяч невинных мирных душ.

Малышка Элис с важным видом расхаживает по лужайке на заднем дворе, согнув колени, наклонив голову. Стебельки травы покалывают ее ступни, ноздри щекочет дым, долетающий из долины: там горят кустарники. Уперев руки в бока, девочка разводит локти в стороны и сводит снова, стараясь подражать движениям павлина и копируя его скрипучий голос.

– Тарки, Тарки, Тарки, – повторяет она. Так зовут старого павлина, который живет в их семье уже 13 лет. Тарки замечает девочку, ерошит яркие перья на шее и, обернувшись к ней, издает трескучий крик. Затем птица распускает свой яркий хвост, и Элис подпрыгивает от восторга. Она бросается к Тарки, но павлин пускается наутек. Начинается погоня. За спинами у них возвышается Канченджанга, снежные склоны которой надежно укрывают

Долину Вечной Жизни. Малышка Элис ничего об этом не знает, но ее мать, Шари, хорошо знакома с тайнами укромной долины.

Малышка Элис спешит за Тарки к кусту рододендрона. От великолепной птицы ее отделяет всего лишь метр, когда та наклоняет голову и, моргнув, принимается скрести землю под кустом. Затем протискивается вглубь, раздвигая листву.

Малышка Элис подползает ближе.

– Что там, Тарки?

Птица долбит клювом землю.

– Что там?

Птица замирает, будто статуя. Голова опущена и склонена набок, пристальный взгляд круглого глаза устремлен на землю. Малышка Элис подается вперед. Там что-то есть. Что-то маленькое, круглое и темное.

Птица издает ужасный крик – *Криииииииииииик* – и бросается к дому. Несмотря на испуг, малышка Элис не следует за ней. Протянув руки, она разводит мягкие листья в стороны и пробирается к центру куста, где шарит по земле и находит *что-то*.

Темный камешек, наполовину торчащий из грязи. Абсолютно круглый. Его поверхность испещрена странными отметками. Девочка осторожно прикасается к нему – камень холоден, холоднее льда. Она скребет пальцами землю вокруг – собирается целая горка – и освобождает сферу. Поднимает ее, крутит и крутит перед глазами, изумляясь все больше. Вдруг что-то происходит со светом, струящимся с неба: он как будто проходит через невидимый фильтр, изменяется, становится ярким, ярким, невыносимо ярким. Спустя пару секунд все вокруг уже залито белым сиянием. Земля дрожит, и страшный грохот доносится со стороны предгорий. Разносясь среди отвесных скал в горах, отражаясь от каждого дерева, каждой травинки, камня в ручье, этот звук заполняет собой все пространство.

Малышке Элис хочется бежать прочь, но она не может. Словно маленький холодный камешек заставил ее примерзнуть к земле. Сквозь сияние, сквозь шум и ярость, бушующие вокруг, она видит силуэт, плывущий к ней. Похоже, это женщина.

Молодая. Изящная.

Фигура приближается. У нее бледно-зеленая кожа, запавшие глаза, перекошенный рот. Живой труп. Малышка Элис отбрасывает камень, но ничего не меняется, а призрак уже так близко, что девочка ощущает его дыхание: оно пахнет экскрементами, горелой резиной и серой. Воздух раскаляется, призрак тянется к малышке Элис. Она хочет кричать, звать маму, которая ее спасет, звать на помощь, просить укрытия, избавления, – но не может издать ни звука, ни звука.

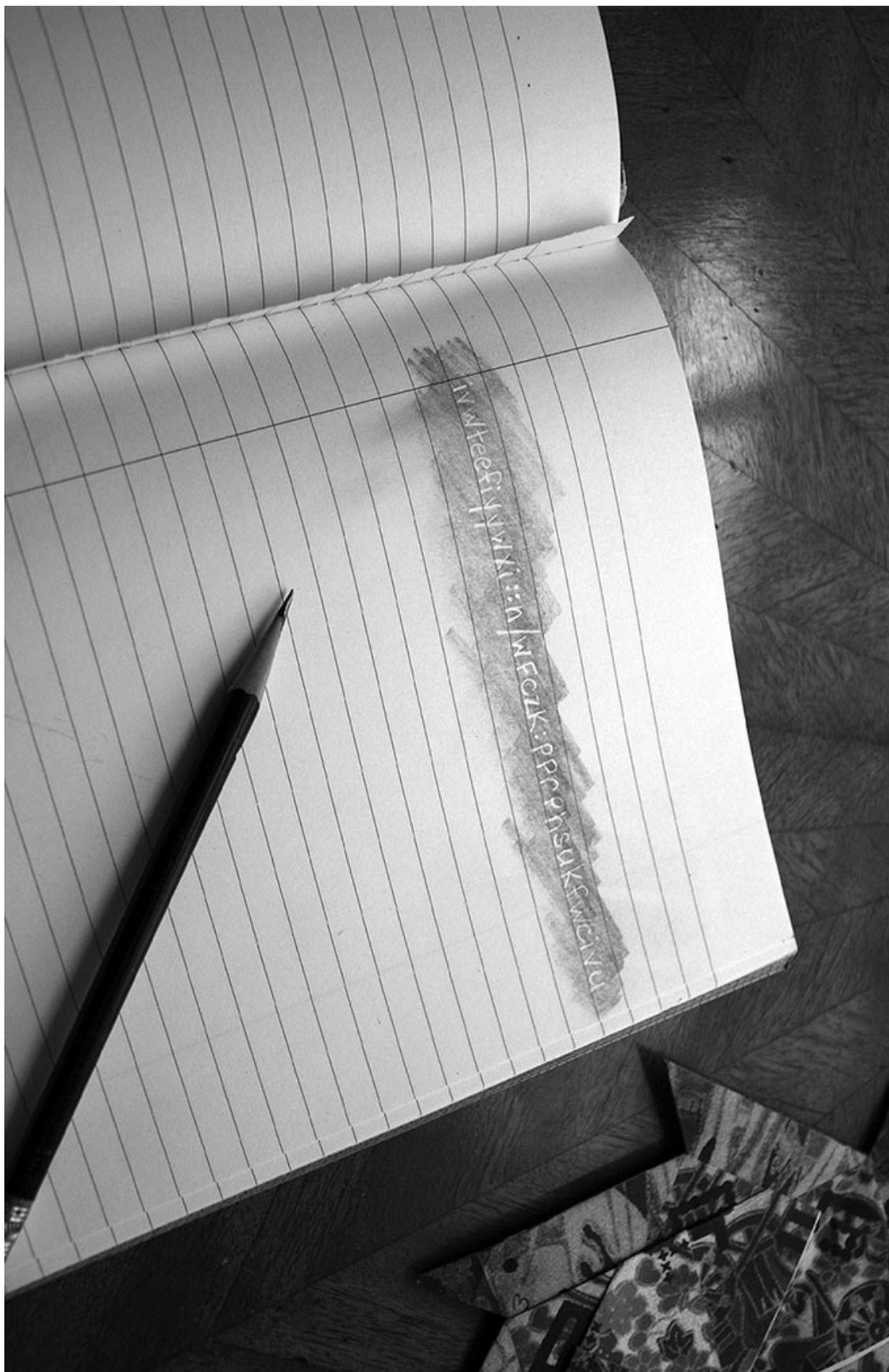
Она открывает глаза и *слышит* свой крик. Теперь наяву. Двухлетняя девочка просыпается вся в поту, но ее мама рядом, обнимает ее, укачивает, шепчет: «Все хорошо, *meri jaan*, все хорошо. Это был всего лишь сон. Снова всего лишь сон». Сон, который снится малышке Элис каждую ночь с тех пор, как нашли Ключ Земли.

Малышка Элис плачет, и Шари обнимает ее, приподнимает с мокрых от пота простыней.

– Все хорошо, милая. Никто тебя не обидит. Я никому никогда не позволю тебя обидеть.

Шари повторяет одни и те же слова каждый раз, когда малышке Элис снится этот сон, но она не уверена, что действительно сможет защитить дочь.

– Никому, моя милая. Никому и никогда.

<http://eg2.co/201>

Сара Алопай, Яго Тлалок

Лондон, Кенсингтон, отель «Кроун Плаза», номер 438

– Откуда он у тебя? – спрашивает Сара, проводя пальцем по бугристому шраму на лице Яго.

– Поранился на тренировке, – отвечает Яго, внимательно изучая ее лицо, пытаясь найти на нем признаки того, что Сара возвращается к нему.

Прошло четыре дня с тех пор, как она отыскала Ключ Земли в Стоунхендже. Четыре дня со смерти Тиёко. Четыре дня назад Сара стреляла в голову Аню Лю. Четыре дня с того момента, как нечто, таившееся под древним камнем, обрело жизнь и явило себя миру.

Четыре дня с той секунды, как она, Сара, убила Кристофера Вандеркампа: спустила курок и послала пулю прямо ему в голову.

За все это время она ни разу не упомянула его имени. Даже не попыталась. Не имело значения, сколько раз она целовала Яго, обвивала его ногами, принимала душ, плакала или сжимала в руках Ключ Земли, пересматривала сообщение, которое кеплер 22b транслировал на весь мир, – неважно, сколько раз все это было. Сара все равно не могла перестать думать о лице Кристофера. Светлых волосах, прекрасных зеленых глазах и о той искре, что сияла в их глубине. Искре, которая погасла, когда она убила его. С того момента, как они покинули Стоунхендж, Сара произнесла всего 27 слов – включая и этот вопрос. Яго за нее беспокоится, но проявленный ею интерес дает надежду. Постепенно выходя из кокона своей печали, Сара пытается начать разговор.

– Как именно это случилось, Фео? – спрашивает она, надеясь, что его рассказ займет какое-то время. Возможно, история захватит ее внимание, а слова отвлекут от невеселых мыслей не хуже, чем его тело.

Ей необходимо думать о чем угодно, кроме того, *что случилось*, о чем угодно, кроме пули, которая прошила череп Криса. – Это был мой третий настоящий поединок на ножах. В двенадцать лет – я тогда был наглецом. Победа в первых двух схватках далась мне без труда. Первым был двадцатипятилетний бывший Игрок, который сделал неверный шаг, вторым – один из носильщиков на службе моего отца, великан девятнадцати лет по прозвищу Ладрилло.

Сара проводит пальцем по грубому бугорку шрама, тянущегося вдоль щеки вниз, под подбородок.

– Ладрилло, – медленно выговаривает Сара. Имя звучит так забавно. – Что это значит?
– Кирпич, и это слово описывает его как нельзя лучше. Тяжелый, надежный, тупой.

Я сделал обманный выпад, и он повелся. К тому моменту, как он сообразил нанести удар, схватка была окончена.

Сара смеется почти искренне. Первый смех с события в Стоунхендже, первая улыбка. И Яго решает продолжить. – Третьим моим противником стал парень чуть старше меня, но ниже ростом. Раньше мы не встречались. Сказал, что приехал из Рио. Не перуанец. И не ольмек.

Яго знает, что для Сары сейчас нет лучшего лекарства, чем его рассказ. Это отвлечет ее от мыслей о содеянном: об убийстве любимого, обретении Ключа Земли и запуске События, которое повлечет за собой смерть миллионов. Тренировка, поединок, бег или стрельба, вероятно, помогли бы куда лучше, но на худой конец сгодятся и истории об Игре.

– Это был ребенок из *фавел*, такой худой, что мускулы его казались веревками, обмотанными вокруг костей. Двигался молниеносно. Не сказал ни слова кроме «Привет» и «В следующий раз тебе повезет больше». Умный. Невероятно способный. В том, что касается выбора клинка и угла атаки, я имею в виду. Его обучали, но большую часть своих умений он впитал с молоком матери.

– Ты как будто себя описываешь.

– А он и *был* такой же, как я. – Яго улыбнулся. – Это было все равно что драться со своим отражением. Я старался уколоть его – и получал укол в ответ. Я бил с размаху – и он отвечал тем же. Это и был его метод – контратака. Он оказался не похож ни на кого из тех, с кем я сражался на тренировках, на бывших Игроков, на моего отца – ни на кого. Этот бой напоминал больше схватку с животным. Звери же действуют быстрее человека. И ты должен доверять инстинктам – времени на раздумья нет. Звери просто атакуют. Ты когда-нибудь сражалась со зверем?

– Да. С волками. Это было хуже всего.

– С волком?

– Волками. Множественное число.

– Без ружья?

– Без ружья.

– Я боролся только с собаками, с волками не приходилось.

И один раз с пумой.

– Хотела бы я сказать, Фео, что это производит на меня впечатление, но увы.

– Я ведь уже уложил тебя в постель, Алопай! – пытается шутить Яго. – Зачем мне производить на тебя впечатление?

Сара снова улыбается и легонько пинает его под простыней. Еще один добрый знак того, что, возможно, она выбирается из пучин своего горя.

– В общем, я так его и не достал, того парня. Мы дрались до первой крови. Видишь кровь – схватка окончена. Все просто.

– Но шрам выглядит глубоким.

– *Si*. Я повел себя, как идиот. Просто наткнулся сам на его нож, а он не зевал. Честное слово, мне повезло. Если бы он не рассек мне лицо – а нож чуть не достал до глаза, – он просто убил бы меня.

Сара кивает.

– Он увидел кровь, и схватка окончилась. А потом он сказал: «В следующий раз тебе повезет больше» – и ушел? И сказке конец?

– Меня еще ждали швы, но, в целом, да. И никаких обезболивающих, ведь это была тренировка.

– Ха! Обезболивающие? Это что такое?

Теперь наступает очередь Яго расплыться в широкой улыбке.

– Точно. Чертова Последняя Игра.

– Чертова Последняя Игра – точнее не скажешь, – произносит Сара. На лице ее не отражается никаких эмоций.

Перекатившись на спину, она смотрит в потолок. – Ты потом *еще* встречался с ним?

Несколько секунд Яго не отвечает.

– *Si*, – наконец произносит он, растягивая слово. – И года не прошло с того поединка. За два дня до моего дня рождения, незадолго перед тем, как я получил право быть Избранным.

– И?

– Он стал еще быстрее. Но я много занимался и тоже стал быстрее.

– И в этот раз ты пустил ему кровь?

– Нет. Мы сражались на мечах, но через пару минут я ударил его кулаком в горло и перебил трахею. Когда он упал, я наступил ему на горло. Крови не пролилось ни капли. До сих пор помню его взгляд. Озадаченный, удивленный, как у подстреленного животного. Оно не понимает, что ты с ним сделал. Так и этот мальчик из *фавел*, лучший боец на ножах, какого я когда-либо видел, но он не понимал, что я живу по своим законам.

Сара ничего не сказала. Она перекатилась на бок, повернувшись спиной к Яго.

«*Я в постели с убийцей*», – подумала она.

И сразу же: «*Но ведь и я убийца*».

– Сара, прости меня. Я не хотел...

– Я это сделала, – она глубоко вздохнула. – Я не вписывалась в его картину мира. Это был мой выбор. Я убила его. Убила... Кристофера.

Наконец. Она это произнесла. Тело ее содрогалось, как будто ее разрывало изнутри. Сара подтянула колени к груди, всхлипывая и вздрагивая от рыданий. Яго осторожно поглаживал ее по голой спине, понимая, что это, в сущности, слабое утешение. Яго мало что знал о Кристофере – кроме того, что Сара его любила. Любила и убила. Яго до сих пор не был уверен, что поступил бы так же, окажись он на ее месте. Смог бы он застрелить своего лучшего друга, одного из тех, с кем вместе рос? Убить Хосе, Тьемпо или Чанго? Хватило бы ему сил пустить пулю в отца или, того хуже, в мать? Он сомневался.

– У тебя не было выхода, Сара, – негромко говорит Яго.

С тех пор как они поселились в отеле, он повторил это уже 17 раз – большей частью просто для того, чтобы прервать неловкое молчание.

Но сколько бы он это ни повторял, звучало все равно неискренне.

– Он ведь сам попросил тебя это сделать. В тот момент он точно знал, что не выйдет из Последней Игры живым, и он хотел умереть так, чтобы этим помочь тебе. Он помог тебе, Сара, пожертвовал собой ради твоей Линии. Ты получила его благословение. Если бы ты поступила так, как хотел Ань, Ключ Земли достался бы Тиёко, и именно она сейчас шла бы к побе... – Ну и ОТЛИЧНО! – перебивает его Сара. Она еще не решила, что хуже: убить юношу, в которого была влюблена с детства, или схватить Ключ Земли, когда тот вырвался из заточения в Стоунхендже. – Тиёко не умерла бы, – шепчет она. – По крайней мере, не умерла бы *так*. Для такой дурацкой смерти она была слишком хорошим Игроком, слишком сильным. А я... я не должна была стрелять в него. – Она глубоко вздыхает. – Яго... всем – *всем* – суждено умереть из-за меня.

Сара сворачивается в клубок. Яго пробегает пальцами по ее позвоночнику.

– Тогда ты этого не знала, – говорит он. – Никто из нас не знал.

Ты просто выполняла указания кеплера 22b. Ты просто Играла. – Да, *Играла*, – повторяет она, и в голосе ее слышится сарказм. – Я думаю, Эшлинг знала... Боже. Что ей стоило стрелять получше? Почему она не сорвала наши планы, когда могла это сделать?

Яго тоже не раз возвращался мыслями к Эшлинг – не из-за того, что она сбила их гидросамолет, а из-за того, что она пыталась им сказать перед этим.

– Если бы она перестреляла нас, Кристофер тоже погиб бы, – замечает он. – Как и мы с тобой.

– И что с того? – парирует Сара, как будто такой вариант развития событий для нее предпочтительней, чем все, что произошло после их отъезда из Италии.

– Ты просто Играла, – повторяет Яго снова.

Несколько минут они молчат. Сара продолжает плакать, Яго поглаживает ее по спине. Час ночи, снаружи моросит дождь, слышно, как по мокрым улицам внизу проносятся машины. То и дело раздается рокот самолета, заходящего на посадку в Хитроу. Далекий свист, похожий на корабельный сигнал. Полицейская сирена. Едва слышный смех подвыпившей женщины.

– К черту кеплера 22b, к черту Последнюю Игру и к черту Игроков, – неожиданно произносит Сара.

Она уже не плачет. Рука Яго тихо падает на простыни. Дыхание Сары становится ровным и размеренным, и через несколько минут она засыпает.

Яго выскальзывает из кровати. Принимает душ, наслаждаясь ощущением бегущих по телу струй воды. Перед его мысленным взором стоит лицо мальчика, с которыми они дрались на ножах, – его глаза, из которых уходила жизнь.

Он вспоминает, что почувствовал, когда осознал, что это его рук дело. Яго выключает воду, вытирается, бесшумно одевается и выходит из номера, осторожно прикрыв за собой дверь.

Сара спит и не слышит.

– *Hola*, Шейла, – приветствует он девушку за стойкой в холле.

Яго помнит по именам всех сотрудников отеля и ресторана. Кроме Шейлы есть еще Прадит, Ирина, Пол, Дмитрий, Кэрл, Чарльз, Димпл... и еще семнадцать человек.

Все они обречены.

Обречены из-за Сары. Из-за него. Из-за Тиёко, и Аня, и других Игроков.

Из-за Последней Игры.

Он выходит на Кромвель-роуд и набрасывает на голову капюшон. «*Кромвель*», – думает Яго. Жестокий лорд-протектор английского Содружества, предводитель пуритан, ужас эпохи междуцарствия. Человек, которого ненавидели и осуждали настолько сильно, что король Карл II велел извлечь из могилы тело несчастного и убить его снова. Труп был казнен, его голову выставили на всеобщее обозрение на шесте возле Дворцового холла Вестминстера, где в нее плевали, кидали камни и проклинали на протяжении нескольких лет, пока она не превратилась в голый череп. Голова гнила на шесте не более чем в паре километров от улицы, по которой сейчас шел Яго.

Улицы, названной в честь этого узурпатора.

За это они и борются. Чтобы на этой Земле по-прежнему оставались монстры, подобные Кромвелю, и распутные короли, каким был Карл II, и ненависть, и власть, и политика.

Яго начинал сомневаться, что оно того стоит.

Но сомнения были роскошью. Причем роскошью недозволенной. «*Jugadores no se preguntan* – Игроки не задают вопросов, – говорил отец, если вдруг угадывал мысли Яго. – *Jugadores juegan* – Игроки играют».

Si.

Jugadores juegan.

Спрятав руки в карманы, Яго идет в сторону Глостер-роуд. Мужчина на 15 сантиметров выше и на 20 килограммов тяжелее его показывается из-за угла и задевает Яго плечом. Яго разворачивает в сторону, но он не вынимает рук из карманов, не поднимает глаз.

– Гляди, куда прешь! – рявкает мужчина. От него пахнет пивом и гневом. Видно, вечер выдался тяжелый, и драка для него – желанный исход.

– Извини, парень, – не останавливаясь, отвечает Яго, подражая акценту жителей Южного Лондона.

– Тебе это кажется смешным? – не унимается мужчина. – Типа ты крутой?

Без предупреждения он размахивается, и кулак размером с тостер устремляется к лицу Яго. Яго отклоняется назад, кулак со свистом проходит мимо его носа. Мужчина замахивается снова, но Яго отступает в сторону.

– Мелкий шустрый ублюдок, – ругается мужчина. – Достань руки из карманов, *парень*, хорош выпендриваться.

Яго улыбается, демонстрируя усеянные бриллиантами зубы.

– Мне нет нужды выпендриваться.

Мужчина делает шаг вперед, Яго плавно скользит ему навстречу, рассчитав движение так, чтобы пяткой угодить по ноге противника. Тот вскрикивает и пытается схватить его, но Яго быстрее. Удар в живот. Мужчина складывается пополам от боли. Яго так и не вытащил руки из карманов.

Он поворачивается, чтобы уйти, направляясь к круглосуточной закусочной «Бургер Кинг» за парой чизбургеров с беконом. Игроки должны есть. Даже если его подруга утверждает, что бросит Игру. Яго чувствует за спиной движение, как мужчина что-то быстро вытаскивает из кармана, и, не оборачиваясь, коротко бросает:

– Не стоит так держать нож. Мужчина замирает на месте.

– Ты как узнал, что у меня нож?

– Услышал. Почувствовал.

– *Брехня*, – негромко произносит мужчина, прежде чем кинуться вперед.

Яго все еще не вытащил руки из карманов. В свете уличных фонарей лезвие ножа, рассекающее воздух, кажется серебряной молнией. Яго поднимает ногу и лягает нападающего в грудную клетку. Нож проходит мимо цели, а Яго бьет еще раз, повыше, – прямым ударом в челюсть. Потом еще раз – по ножу, зажатому в руке противника. Запястье нападавшего впечатывается в землю, на коже виден след от подошвы. Нож выпадает из пальцев. Носком ботинка Яго отбрасывает его в сторону. Нож приземляется на обочине и скатывается в водосток. Мужчина стонет. Этот тощий засранец побил его, даже не вытащив руки из карманов!

Яго улыбается и переходит на другую сторону улицы.

«Бургер Кинг».

Si.

Jugadores juegan.

Но для этого им нужно есть.

*Odem Pit'dah Bareket
Nofekh Sapir Yahalom
Leshem Shevo Ahlamah
Tarshish Shoham Yashfeh*

Хиляль ибн Иса Ас-Салът, Эбен ибн Мохаммед Аль-Джулан

Северная Эфиопия, Аксумское царство, Церковь Завета

Хиляль стонет во сне. Скулит и вздрагивает. Его голова, лицо, правое плечо и рука обожжены зажигательной гранатой, которую кинул в него набатеец, прежде чем Хиляль успел скрыться в подземном убежище.

Эбен спас его. Накинул покрывало, чтобы сбить пламя, постарался успокоить, сделал укол морфина.

Хиляль перестал кричать.

Когда началась атака, электричество отключилось, не спасли даже резервные системы. Эбен связался с Набрилом в Аддис-Абебе по радиоприемнику, который заводится ручкой, и тот сообщил, что сбой в подаче энергии – результат солнечной вспышки. Очень сильной. Таких он до сих пор не видал. Самым странным было то, что действие ее как будто сосредоточилось на Аксуме и случилось это именно тогда, когда Хиляль попытался отправить сообщение другим Игрокам.

В тот момент, когда дунху и набатеец выбили дверь его хижины. Это казалось невозможным. Солнечные вспышки всегда задевают большие пространства, порой даже целые континенты.

Они не могут бить настолько аккуратно. Так прицельно.

Это просто невозможно.

Невозможно... но только не для Создателей.

Эбен не знал, что Хиляль собирался отправить послание: он решил, что вспышку спровоцировала атака тех двоих Игроков. Он присматривал за Хилялем при свете фонаря. Ему помогали двое нефинеев, оба немые. Они положили Хиляля на носилки, поставили ему капельницу и перенесли на семь уровней вниз, под фундамент древней церкви. Там Эбен и нефинеи искупали его в козьем молоке. Белая жидкость стала розовой. На поверхность всплывали обугленные ошметки кожи. Обмывая Хиляля, они тихо молились. Молились, ухаживая за ним. Спасая его. Вздувшиеся ожоги. Резкий серный запах горелых волос. Кремовая мягкость молока, смешанного с кровью.

Эбен тихо плакал. Хиляль был самым красивым Игроком аксумитов за последние 1000 лет – со времен легендарной Элин Бакара-аль-Пору. У Хиляля были голубые глаза и совершенная, гладкая кожа, ровные белые зубы, высокие скулы, плоский нос с идеально округлыми ноздрями и квадратный подбородок. Густые курчавые волосы обрамляли его лицо, гладкое мальчишеское лицо. Он был похож на бога. Но всего этого больше нет. Все сгорело. Хиляля ибн Ису ас-Сальта больше никогда не назовут красивым.

Он послал за хирургом из Каира, принадлежащим к их Линии, чтобы тот провел трансплантацию кожи. Из Туниса прибыл офтальмолог, чтобы попытаться спасти правый глаз Хиляля. Операции по пересадке кожи прошли успешно, но увечья все равно будут заметны. Теперь Хиляль словно скроен из лоскутов того красивого мальчика, которым был прежде. Травма, конечно, не может не сказаться на зрении, но правый глаз все же спасен. Только теперь он не голубой, а красный.

Весь, кроме ставшего молочно-белым зрачка.

– Цвет уже не вернется, – сказал тогда врач.

Он был так красив! Как король ангелов. Теперь он наполовину демон.

«Но это *наш* демон», – говорит про себя Эбен.

С момента нападения прошла почти неделя. Эбен опускается на колени рядом с Хилялем, лежащим в простой каменной спальне. Маленький деревянный крест над кроватью. Белая фарфоровая раковина у стены. Несколько крючков для одежды. Ларчик, в котором хранятся свежие простыни и бинты. В изголовье – крюк для капельницы. Рядом – маленькая тележка с пульсометром, проводами и электродами. Нефинеи – мужчина и женщина, оба высокие и сильные – стоят на страже сразу за дверью, безмолвные, вооруженные до зубов.

Хиляль проспал все это время. Иногда он стонал, скулил, дрожал. Он все еще на морфине, но Эбен постепенно снижает дозу. Хиляль давно умеет жить с болью, и хотя боль от ожогов будет сильнее и мучительнее любой, что ему доводилось испытать, он должен привыкнуть и к ней, чтобы продолжать Последнюю Игру.

Привыкнуть к боли. К уродству. К новому телу.

А если он *не* захочет продолжать, Эбен должен знать об этом. И для того чтобы принять это решение, Хилялю нужен ясный рассудок.

Поэтому Эбен снижает дозу.

Пока Хиляль спит, Эбен молится на амхарском. Медитирует. Он помнит слова Хиляля: «Возможно, я ошибался, – сказал он до того, как морфин принял его в свои объятия. – Возможно, Событие нельзя было предотвратить».

Эбен знает, что дело не в этом. По крайней мере, теперь, после всего, о чем рассказали по телевизору. После солнечной вспышки, направленной прямо на Аксум. Создатели *вмешиваются*. Единственный, кто мог бы сделать такое, кроме них, – это Оскверненный. Тот, кого аксумиты ищут вот уже столько веков. Ищут безуспешно. Тот, кого зовут Эа.

Но даже у Оскверненного нет власти над солнцем.

Так что Эбен уверен – это *именно* Создатели.

И Эбен знает, что это жестоко. Да, они создали человечество и они же должны уничтожить большую его часть, чтобы жизнь на Земле начала новый цикл и планета оправилась от нанесенного ей ущерба, но в остальном не должны вмешиваться в Последнюю Игру. Они сами определили эти правила, а теперь нарушают их.

И, возможно, это означает, что пришло время.

Пришло время узнать, что находится внутри легендарного ящика – да, легендарного, но совершенно реального. Он ждал своего часа с тех пор, как Моисей сделал вид, что уничтожил его, но в действительности спрятал, приказав Сынам Аарона защищать его любой ценой. И никогда не смотреть на него и не открывать. «Сломайте печать только в Судный день», – повелел он.

И этот день близок.

Эпоха подошла к концу.

Скоро великие аксумиты возьмут дело в свои руки и выяснят, какие силы скрываются меж золочеными крыльями херувимов славы. Скоро Эбен ибн Мохаммед аль-Джулан рискнет жизнью ради Последней Игры.

Скоро. Как только Хиляль придет в сознание и откроет глаза. Эбен нарушит Завет Творцов и посмотрит, удастся ли Аксуму отплатить Создателям их же монетой.

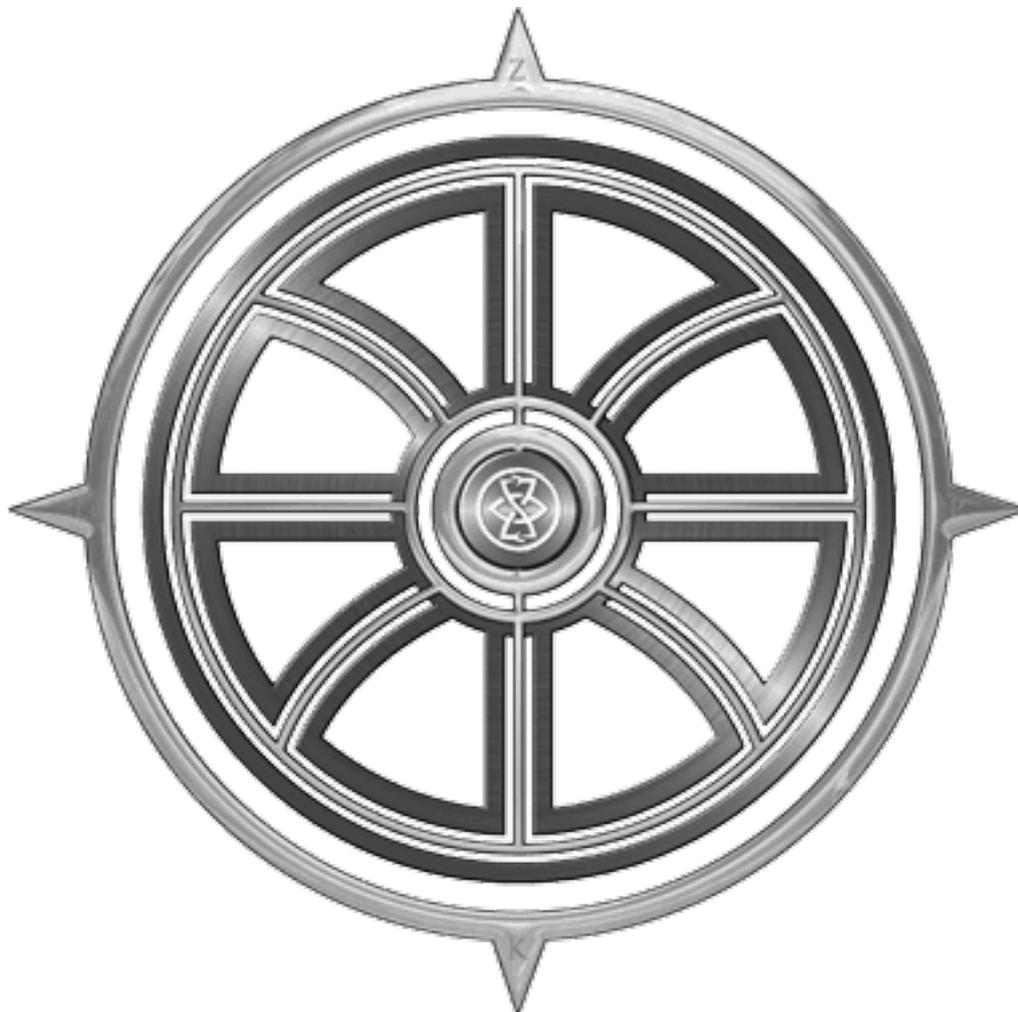
Frontiers of Science, май, 1981

В марте 1967 года сотрудник отдела радиоперехвата службы безопасности ВВС США зафиксировал переговоры между пилотом кубинского МИГ-21 русской сборки и его командованием, касающиеся встречи с НЛО. Он утверждал, что пилот МИГа выстрелил в неопознанный объект и был им уничтожен. Также сотрудник заявил, что все рапорты, записи, отметки в вахтенном журнале и описания инцидента были переданы в Агентство национальной безопасности по соответствующему запросу.

Неудивительно, что несколько месяцев спустя Агентство опубликовало отчет под заголовком «Гипотеза НЛО и вопросы выживания». Выпущенный в октябре 1979 под эгидой закона США о свободе информации, отчет утверждал, что «в исследовании вопроса о существовании НЛО приоритет слишком часто отдавали нерасторопному научному подходу». Заключение агентства гласило, что, независимо от частных теорий той или иной теории, существование НЛО «представляет серьезную опасность для выживания человечества».

Элис Улапала

Австралия, Северная территория, Наки-Лагун

Элис и Шари стоят спиной к спине, прикрывая маленькую девочку. Зажатая между ними, она испуганно всхлипывает. Женщины застыли в боевых позициях: Элис сжимает в руках нож и бумеранг, Шари – длинный металлический шест, конец которого утыкан гнутыми гвоздями. Они окружены; их противники вооружены, они рычат-бормочут-ворчат-угрожают. За спинами ближних врагов – стая красноглазых собак и еще какие-то люди, одетые в черное; в руках у них – винтовки, косы и дубинки. Над головой – звездная россыпь и лица кеплеров; бритвенно-тонкие тела их неподвижны, но семипалые руки тянутся к женщинам, в ушах звенит их насмешливый смех. Между ними Элис замечает какое-то искривление пространства, черную дыру. Но прежде чем она успевает об этом задуматься, все внезапно приходит в движение: девочка кричит, Элис запускает свой бумеранг и вонзает нож в грудь невысокого смуглого мальчишки, тот плюет ей в лицо и истекает кровью, а девочка кричит и кричит, и кричит, и кричит.

Элис подскакивает в своем гамаке: пальцы впиваются в края, так что неустойчивая конструкция все же не переворачивается. Темные волосы спутаны, лунный свет играет на их завитках. Она делает глубокий вздох, бьет себя по щекам, проверяет бумеранг и нож. Те на месте – аккуратно сложены в нише деревянной колонны, на которую накинута петля

крепления гамака. Она стоит на крыльце своего маленького домика возле лагуны. Вокруг ни души. Дальше, за лагуной, шумит Тиморское море. Сразу за хижиной расстилается покрытая кустарником и скрабом Северная территория. Необъятный задний двор.

Элис оставалась дома, размышляя, слушая время сновидений и древние песни предков, слушая море, и небо, и землю с того самого дня, как кеплер приказал ей «Играй дальше». С тех самых пор, как очередная подсказка пришла к ней во сне. И на этот раз – вовсе не метафора: суть была ясна и очевидна, хотя кое-что все же придется уточнить.

Интересно, другие Игроки тоже получили новые подсказки? Сообразил ли кто-нибудь, где она находится? Не наводит ли кто-то на нее прицел снайперской винтовки прямо сейчас, не смотрит ли на нее дуло тихого и смертоносного оружия? – Черт вас всех подери! – выкрикивает Элис в темноту, и возглас далеко разносится над выжженной землей. Она выпрыгивает из гамака, подбегает к ступеням, разминает пальцы и раскидывает руки в стороны. – Вот она я, придурки, давайте!

Но никто не стреляет.

Элис фыркает и сплевывает на землю. Потягивается. Ждет, пока сияние подсказки заполнит ее разум, словно свет маяка. Она точно знает, что именно ей сейчас сообщили: местоположение Байцахана, Игрока от дунху, этого кровожадного мальчишки, который хочет убить Шари и, скорее всего, девочку, которую Элис снова и снова видит во сне. Элис подозревает, что ей снится малышка Элис, но зачем дунху или кому-либо еще убивать ее, это пока не ясно. Причина, по которой малышка Элис так важна – *если* она и вправду важна, – остается загадкой.

Впрочем, неважно. Большая Элис доберется до Байцахана и убьет его. Это ее ход в Игре. Если он подведет ее ближе к одному из ключей Последней Игры – что ж, да будет так.

Если нет, она примет и это.

– Будь что будет, – выдыхает она.

Падающая звезда пересекает небо и тает на западе. Элис поворачивается, возвращается на террасу, достает нож из тайника. Потом снимает трубку старого кнопочного телефона – от нее тянется закрученный провод. Набирает номер, прикладывает трубку к уху.

– Привет, Тим. Да, это Элис. Слушай, завтра еще до рассвета я сяду на грузовой корабль, а сейчас мне нужны твои непревзойденные таланты, чтобы кое-кого отыскать.

Поможешь? Я о ней, наверное, упоминала. Хараппа.

Да, та самая. Чопра. Индианка. Да, я в курсе, что в Индии полно народу с такой фамилией, но ты послушай. Ей между семнадцатью и двадцатью, скорее ближе к двадцати. И у нее есть ребенок. Уже не младенец. Девочка, лет двух-трех, не старше пяти – это точно. Да, но есть зацепка. Ее зовут Элис. Это должно сузить круг. Ага, можешь звонить на этот номер, как только что-нибудь найдешь. Я буду проверять сообщения.

Договорились, Тим. Пока.

Она вешает трубку и смотрит на рюкзак на кровати.

Черная холщовая скрутка, заполненная оружием.

Пора собираться.

* * *

И сказала она своим Ученикам, своим Служителям:

Вы это поймете.

Все хорошее – лишь видимость.

Все приятное преходяще.

Если ты голоден, ты ешь – и вот ты сыт, но чувство сытости лишь напоминает о том, что голод вскоре вернется. Замерзая, ты разводишь огонь, но он рано или поздно погаснет, и холод с новой силой будет грызть твое тело. Когда ты одинок, ты находишь кого-то, но они неизменно устают от тебя или ты устаете от них, – и вот ты снова одинок.

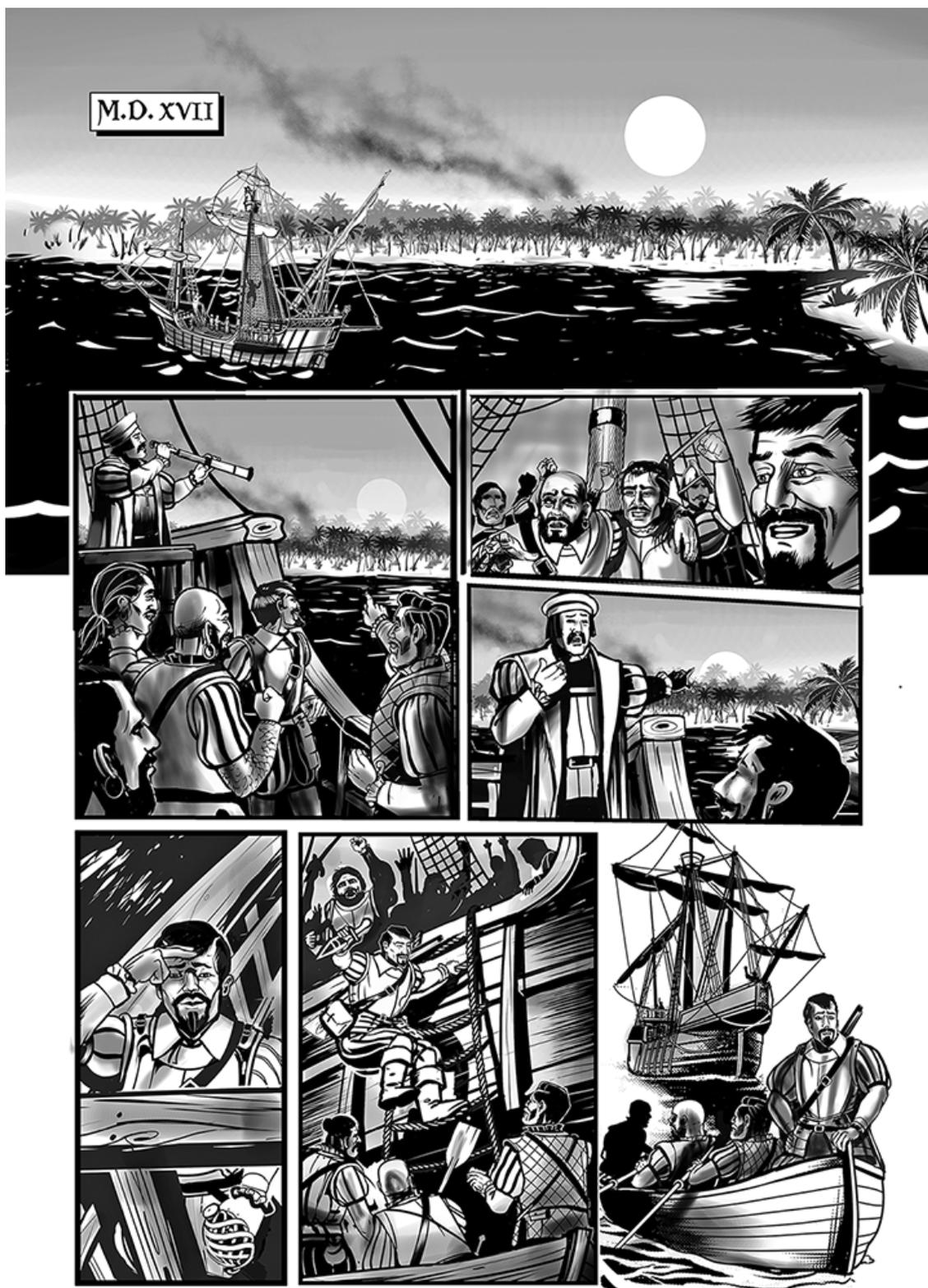
Счастье, удовольствие, уверенность – все это лишь тонкие покровы, под которыми прячется страдание. Боль всегда здесь, она никуда не уходит.

Все, что дети знают о себе, все, чему они посвящают свою жизнь, – еда, секс, алкоголь, деньги, приключения, игры, – все это существует только для того, чтобы оградить их от страха.

Страх – единственное, что в этом мире постоянно, именно поэтому нужно постоянно прислушиваться к нему. Принимать его. Сохранять. Любить.

*Ученики, величие рождается из страха. Зная это, мы будем бороться.
Зная это, мы победим.*

– С

Ань Лю

На борту «Неустранимого», корабля королевских ВМС, эскадренного миноносца «Тип-45», Ла-Мани, 50.324; -0.873

Бип.

СПАЗМ.

Бип-бип. *СПАЗМ.*

Бип-бип.

СПАЗМХЛОПСПАЗМХЛОП.

– ТИЁКО!

Ань Лю пытается сесть, но мешают веревки. На запястьях, на лодыжках, и еще одна – *СПАЗМхлопхлоп* – поперек груди. Он косится направо и налево, направо и налево. Головная боль убивает. *Убивает.*

Боль зарождается где-то над правым глазом, пульсирует вокруг виска и распространяется до самого затылка и основания шеи. Ань Лю не помнит, как оказался здесь. На этой каталке. Штатив для капельницы, тележка с датчиками дыхания и сердечного ритма. *ХЛОП-спазмхлоп.* Белые стены. Низкий серый потолок. Яркие флуоресцентные лампы. Портрет королевы Елизаветы в рамке. Овальная дверь с железным колесом посередине.

Над ней нарисована черная цифра 4.

Ань чувствует, как комната покачивается и слышит – *хлопхлоп* – слышит, как поскрипывают стены.

Колесо на двери.

Комната скрипит и покачивается.

Он на корабле.

– Т-т-т-Тиёко, – тихонько бормочет он.

– Так ее звали, да? Ту, которую расплющило камнем?

Мужской голос. *СПАЗМхлопСПАЗМхлопхлопхлоп*. Говорящий находится где-то у него за головой, вне пределов видимости. Ань поднимает подбородок, натягивает удерживающие его путы. Заводит глаза, пока боль в голове не становится нестерпимой. Но даже так он не может – *СПАЗМ* – не может разглядеть мужчину.

– Тиёко. Мне было любопытно. – Ань слышит шорох ручки по бумаге. – Спасибо, что наконец-то сказал. Бедняжку расплющило в блин.

Расплющило? О чем – *СПАЗМСПАЗМ* – о чем – *хлопхлопхлоп* – о чем он?

– Н-н-не смей...

– В чем дело? Язык прикусил?

– Н-н-не смей произносить ее и-и-имя!

Мужчина вздыхает, делает шаг вперед. Теперь Ань может разглядеть верхнюю часть его головы. Это белый мужчина, хотя кожа его покрыта загаром. У него копна каштановых волос, прямые тонкие брови и глубоки морщины на лбу. Ранние морщины – не от прожитых лет. Следы гнева. И привычки кричать. Привычки щуриться. Слишком серьезного – слишком английского – взгляда на жизнь. Ань уже – *спазмХЛОП* – уже знает: войска особого назначения Великобритании.

– Г-г-г-где, – *СПАЗМСПАЗМСПАЗМхлопСПАЗМ*. Такого – *СПАЗМ* – сильного тика у него не было уже – *СПАЗМСПАЗМСПАЗМ*...

Такого сильного тика у него не было с тех пор, как Тиёко оставила его той ночью в постели. Голова Аня судорожно дергается, ноги все трясутся и трясутся.

СПАЗМхлопСПАЗМхлоп. Ему обязательно нужно – *хлопхлопхлопхлопхлоп* – ее увидеть. Это его успокоит. – Какой дерганый парень, – произносит мужчина и обходит каталку. – Хочешь знать, где твоя девушка, да?

– Д-д-д-д-д...

Ань не может продолжать. Он все повторяет и повторяет одну букву, точно сломанный проигрыватель. – Д-д-д-д-д...

Мужчина кладет ладонь поверх руки Аня. Она теплая. Этот человек оказался неожиданно худым. Руки слишком большие для такого тела.

– У меня тоже есть вопросы. Но мы не сможем поговорить, пока ты не соберешься. – Мужчина отворачивается. Берет шприц из стоящей рядом медицинской тележки. Ань видит этикетку: «Вещество № 591566». – Постарайся дышать глубже, парень.

Он закатывает рукав рубашки на левой руке Аня.

– Больно не будет.

Нет!

СПАЗМхлопхлопхлопСПАЗМСПАЗМ.

Нет!

– Можешь уже выдохнуть.

Аня сотрясают конвульсии. Он чувствует, как введенный ему состав движется по руке к сердцу. К груди, шее, голове. Боль исчезает. Прохладная тьма вливается в мозг Аня неспешной волной, так похожей на волны за бортом корабля, которые осторожно покачивают его вперед и назад, вперед и назад. Ань чувствует, как лекарство тянет его глубже, глубже в темный океан. Он словно парит в невесомости. Больше нет *спазмов*. Глаза больше не *ХЛО-*

ПАЮТ. Тихо и темно. Спокойно. Легко. – Ты можешь говорить? – Голос мужчины звучит как будто прямо внутри головы Аня.

– Д-да, – отвечает он, почти не прилагая усилий.

– Хорошо. Можешь звать меня Чарли. А тебя как зовут, парень? Ань открывает глаза. На периферии зрения все кажется размытым, нечетким, зато все чувства обострены. Он ощущает каждый сантиметр своего тела.

– Меня зовут Ань Лян, – отвечает он.

– Ложь. Как тебя зовут?

Ань пытается повернуть голову, но не может. Появились новые путы. Возможно, ремень, который держит голову? Или это из-за лекарства?

– Чан Лю, – говорит он.

– Ложь. Соврешь еще раз, и я ни слова тебе не скажу о Тиёко.

Обещаю.

Ань открывает рот, но мужчина накрывает его губы своей широкой ладонью.

– Это правда. Попытайся обмануть меня еще раз, и все кончено.

Для Тиёко и для тебя. Ты понял?

Ань не может пошевелить головой, не может кивнуть, поэтому просто раскрывает глаза шире. Да, он понял.

– Молодец, парень. Итак, как тебя зовут?

– Ань Лю.

– Уже лучше. Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Откуда ты?

– Китай.

– Точнее. Откуда именно в Китае?

– Я много переезжал. В последнее время жил в Сиане.

– Зачем ты приехал в Стоунхендж?

Ань слышит какой-то скребущий звук. Совсем рядом.

– Потому что хотел помочь Тиёко.

– Расскажи мне о Тиёко. Ты знаешь ее фамилию?

– Такеда. Она была одной из Му.

Пауза.

– Му?

– Да.

– Кто такие Му?

– Точно сказать не могу. Древняя раса. Самая древняя.

Ань снова слышит странное *скреб-скреб*. Теперь он знает, что это: детектор лжи.

– Он не врет, – говорит мужчина. – Понятия не имею, о чем речь, но это правда.

Ань различает тихий голос. Кто-то еще слушает их, наблюдает за ними. Дает инструкции этому Чарли с морщинами на лбу и большими ладонями.

– Что вы мне ввели?

– Сверхсекретную сыворотку, парень. Если расскажу больше, придется тебя убить. И твоя очередь спрашивать еще не пришла. Я дам тебе такую возможность, но после того, как ты ответишь еще на несколько моих вопросов, договорились?

– Да.

– В чем ты хотел помочь Тиёко в Стоунхендже?

– Получить Ключ Земли.

– Что такое Ключ Земли?

– Фрагмент загадки.

- Какой загадки?
- Последней Игры.
- Что такое Последняя Игра?
- Игра, которая закончится концом света.
- И ты играешь в нее?
- Да.
- Тиеко тоже?
- Да.
- Она была Му?
- Да.
- А ты?
- Шань.
- Что такое Шань?
- Шань был отцом моего народа. Шань – это мой народ.

Шань – это я. Я из династии Шань. Я ненавижу Шань. Чарли делает паузу, записывает что-то в блокноте, который не попадает в поле зрения Аня.

- Что делает Ключ Земли?
- Не знаю. Возможно, ничего.
- Есть и другие ключи? – Да. Это один из трех.
- Ключ Земли был в Стоунхендже?
- Думаю, да. Не уверен.
- Где находятся два остальных ключа?
- Не знаю. Это часть Игры.
- Последней Игры.
- Да.
- Кто управляет ею?

Он не может не отвечать.

– Они. Создатели. Боги. У них много имен. Одного зовут кеплер 22b, и он рассказал нам об Игре.

Сыворотка, или что там ему впрыснули, стимулирует синапсы в его лобной коре. Сильный препарат, что ни говори.

Чарли подносит к лицу Аня фотографию. Это снимок мужчины, который сделал то первое объявление, – его лицо появилось на всех экранах мира: в телевизорах, мобильных телефонах, планшетах, компьютерах, – после того как Стоунхендж преобразился, после того как луч света рассек небеса.

- Ты видел этого человека раньше?
- Нет. Подождите. Наверное.
- Наверное?

– Да... да, я видел его раньше. Это маска. Может, это кеплер 22b, а может, и нет. Но это не человек.

Чарли убирает фотографию. Вместо нее показывает Аню снимок Стоунхенджа. Не такого, каким тот был раньше, – странного, древнего и таинственного, – а такого, какой он сейчас. Развороченного и изменившегося. Башня из камня, металла и стекла, вздымающаяся из-под земли на сотню футов, не похожая ни на одно земное строение. Древние камни, отмечавшие место постройки, раскиданы вокруг основания, как детские кубики.

- Расскажи мне об этом.

Ань изумленно таращится на снимок. Его воспоминания о Стоунхендже обрываются до того, как это произошло.

- Я ничего об этом не знаю. Можно задать вопрос?

– Ты только что его задал. Но так уж и быть, можешь задать еще один.

– Это Стоунхендж?

– Да. Как это случилось?

– Не уверен. Не могу вспомнить.

Чарли отступает назад.

– Я так и думал. Тебя ведь подстрелили. Это-то хоть помнишь?

– Нет.

– Попали в голову. У тебя сильное сотрясение. Повезло, что у тебя в башке металлическая пластина. Металлическая, с кевларовым покрытием. Ты прямо как знал.

– Да. Мне повезло. Можно еще вопрос?

– Давай.

– Вы можете рассказать мне, что произошло?

Чарли молчит несколько секунд, слушает голос в своем скрытом наушнике.

– Мы точно не знаем. Тебя подстрелили – это факт. И пуля была особенной, немногие с такими сталкивались. Ты держался за веревку, которая была привязана к телу молодого человека.

К тому, что от него осталось. Его разорвало пополам.

Сохранилась только нижняя часть тела и ноги.

Ань помнит. Там был парень, которого он заминировал.

Там был ольмек. И кахокийка.

– Твоя девушка, Тиёко...

– Не произноси это имя. Оно теперь принадлежит мне. Чарли внимательно смотрит на Аня. Его глаза становятся синими, потом зелеными, потом красными. «Это из-за сыворотки, – напоминает себе Ань. – Сильный препарат». – Тиёко, – повторяет Чарли с особенным нажимом, смакуя это имя, чтобы досадить Аню, – была совсем рядом с тобой. Когда башня начала подниматься из-под Стоунхенджа, один из камней упал на нее. Раздробил ей две трети тела. Она умерла мгновенно. Нам пришлось отскрести ее от земли.

– Она была рядом со мной? – переспрашивает Ань. Его глаза увлажнились. – После выстрела?

– Да. Это она в тебя стреляла?

– Нет.

– А кто?

– Не уверен. Там были еще двое.

– У тех двоих были керамические полимерные пули?

– Не уверен. Их оружие было белого цвета, так что возможно.

– Ты знаешь их имена?

– Сара Алопай и Яго Тлалок, – произносит Ань. Иностранные имена даются ему с трудом.

– Они тоже играют в эту игру?

– Да.

– За кого?

Ань чувствует, как его веки снова начинают непроизвольно дрожать.

– 3-з-за свои Л-л-л-линии. Она – кахокийка. Он – ольмек.

Его голова дергается. Новая вспышка боли пронзает продолговатый мозг. Да, препарат сильный, но его действие заканчивается.

Чарли подносит к лицу Аня новую картинку. Два снимка с камер слежения.

– Это они?

Ань шепчет: «Д-д-да».

СПАЗМ.

– Хорошо.

Чарли негромко говорит что-то в микрофон, разобрать его слова невозможно.

Бип. Бип-бип. Бип. Бип-бип.

Датчик сердечной активности. Остальные звуки тоже возвращаются к Аню. Периферийное зрение становится четким. Он поднимается на поверхность темных вод.

СПАЗМЫ вернулись.

– Где Т-Ти-Тиёко?

– Не могу тебе сказать, дружок.

– Она на этом корабле?

– Не могу сказать.

– М-м-м-можно ее увидеть?

– Нет. Пока тебе придется довольствоваться моим обществом.

Только мы вдвоем. Ты и я.

– А...

Голова Аня трясется. Пальцы дрожат.

– Есть-есть-есть... – пытается начать он, но сдается и шепчет: – Игра, понимаешь... –

Понимаю что?

– Вы все умрете, – произносит Ань так тихо, что Чарли едва его слышит.

– Что? – Он наклоняется ближе к пленнику.

– Вы все умрете, – бормочет Ань еще тише.

Чарли склоняется над ним. Их лица разделяет менее метра. Чарли морщится, на его лбу собираются морщинки. Глаза Аня закрыты. Рот приоткрыт. Чарли спрашивает:

– Вы все умрете? Ты это хотел ска...

В этот момент Ань с силой сжимает зубы. Из рта его доносится звук трескающегося пластика. Чарли отлично его слышит. А потом Ань выдыхает, выпускает воздух с шипением, как проткнутый воздушный шарик, и облако оранжевого газа вырывается из-за его зубов и окутывает лицо Чарли. Глаза Чарли расширяются и наполняются слезами, он не может дышать. Все лицо горит, кожа как в огне, кажется, глаза сейчас вытекут из глазниц, легкие сжимаются, и он падает прямо на грудь Аню. На все уходит лишь 4,56 секунды. Затем Ань снова открывает глаза.

– Да, – произносит он. – В-в-в-вы все умрете. Ань выплевывает фальшивый зуб. В нем был яд. Аню понадобилось несколько лет, чтобы приобрести иммунитет. Зуб со звоном ударяется о металлический пол. Слышно, как в наушнике Чарли кто-то кричит. Спустя две секунды срабатывает сигнализация, от ее воя вибрирует металлическое брюхо корабля. Свет гаснет. Поблескивает только аварийный маячок.

Комната покачивается и скрипит. Покачивается и скрипит.

Я на корабле.

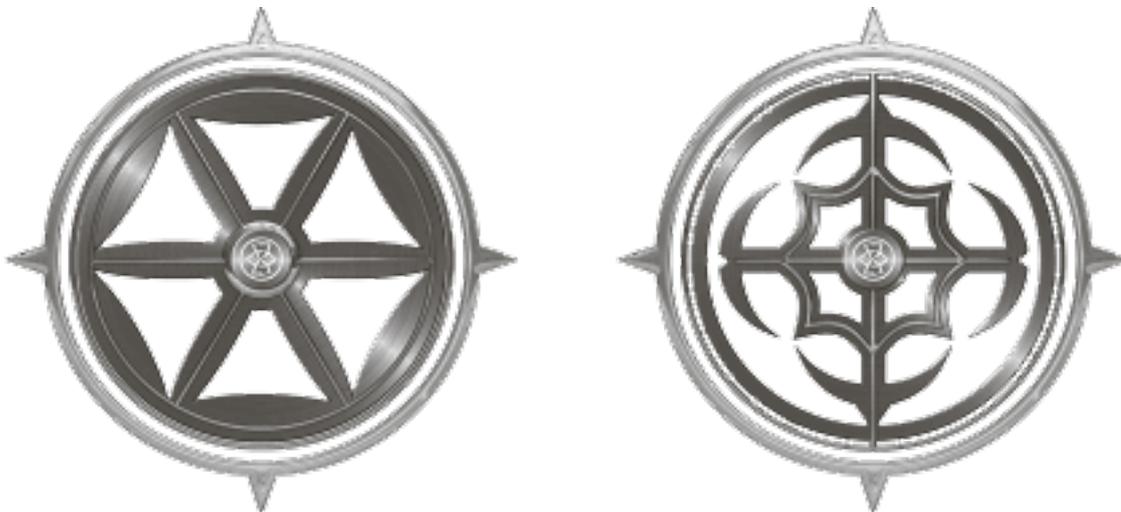
Я на корабле и должен отсюда выбраться.

Будущее – игра.

Время – одно из правил.

Маккавей Адлай, Байцахан

Эфиопия, Аддис-Абеба, отель «Тизезе»

– Это я, – произносит в незаметный беспроводной микрофон Маккавей Адлай, игрок восьмой Линии. Он говорит на языке, который знают всего 10 человек в мире. – *Kalla bhajat niboot scree*. Эти слова невозможно перевести. Они стары, как сам этот мир, но женщина, к которой они обращены, все понимает.

– *Kalla bhajat niboot scree*, – слышится ее ответ. Подтверждение личности собеседника.

– Твой телефон не прослушивается? – спрашивает затем она.

– Думаю, что нет. Плевать. Конец так близок.

– Другие могут найти тебя.

– К черту их всех. К тому же, – Маккавей крепче сжимает пальцы вокруг лежащей в кармане стеклянной сферы, – я их замечу, если что. Послушай, Екатерина, – Маккавей обращался к матери по имени всегда, даже когда был совсем мальчишкой, – мне кое-что нужно.

– Что угодно, Игрок мой.

– Мне нужна рука. Механическая. Титановая. Неважно, с кожей или без.

– Бионическая?

– Если ее можно быстро собрать.

– Зависит от тяжести раны. Пойму, когда ее увижу.

– Где? И скоро ли?

Екатерина обдумывает его вопрос.

– В Берлине. Через два дня. Завтра пришлю сообщение с адресом.

– Хорошо. Слушай внимательно. Эта рука не для меня.

– Понятно.

– Она не для меня, и в нее нужно кое-что встроить. Спрятать.

– Понятно.

– Я пришлю спецификации и коды по зашифрованному ботнету M-N-V восемь-девять.

– Понятно. – Повтори.

– M-N-V восемь-девять.

– Они будут у тебя через двадцать секунд после окончания разговора. Файл под названием «колкость кизила».

- Ясно.
- Увидимся в Берлине.
- Да, сын мой, мой Игрок. *Kalla bhajat niboot scree.*
- *Kalla bhajat niboot scree.*

Маккавей вешает трубку. Запускает скрытое приложение на телефоне, вводит пароль, нажимает кнопку «Отправить». «Колкость кизила» скоро достигнет адресата. Перевернув телефон, он вытаскивает из него аккумулятор и бросает в урну в холле отеля напротив стойки консьержа. Выйдя на улицу, направляется к сувенирному магазину напротив и разламывает зажатый в руках аппарат пополам. В магазинчике есть холодильник с газировкой. Открыв дверцу, Маккавей чувствует, как мороз кусает лицо. Глубокий вдох наполняет легкие холодным воздухом. Это приятное чувство.

Протянув руку в глубь холодильника, чтобы достать пару банок колы, он избавляется от остатков телефона. Обломки падают куда-то за полки.

Маккавей платит за колу и возвращается в свой номер. Байцахан сидит на краю дивана в их полулюксе: спина прямая, глаза закрыты. По бинту, которым обмотана его культия, разползлись пятна крови. Уцелевшая рука сжата в кулак.

Маккавей запирает дверь.

- Я принес тебе колу.
- Не люблю колу.
- Естественно.
- Жалайр любил колу.

«*Лучше бы я Играл бок о бок с ним*», – думает Маккавей. Газировка тихо шипит в открытой банке, когда он делает глоток.

Пузырьки газа покалывают язык и горло. Вкусно.

- Мы отправляемся в Берлин, Байц.

Байцахан открывает глаза – глубокие, темные, карие – и смотрит на Маккавея с удивлением.

- Нет такого ветра, что забросил бы меня туда, брат.
- Есть.
- Нет. Мы должны убить аксумита.
- Нет, не должны.
- Должны.

Маккавей достает сферу из кармана.

– Нет необходимости. Хиляль и так почти что труп. Он никуда не денется. К тому же его Линия будет ждать атаки и охранять его. Возвращаться туда сейчас – самоубийство. Лучше выждать. Может, он умрет без нашей помощи.

– Тогда кто должен погибнуть? Хараппанка? Ее смерть стала бы возмездием за Бата и Болда.

Маккавей подходит ближе и легонько бьет Байцахана по обрубку руки. Маккавей знает, что это больно, но Байцахан только сжимает зубы.

– Она слишком далеко, Байц. Другие гораздо ближе – те, у кого *есть* Ключ Земли. Те, кто Играет по правилам. Помнишь, что показала нам сфера?

– Да. Тот каменный круг. И то, как девчонка, Сара, забирает первый ключ. Да... Ты прав.

«*Кажется, он таким образом просит прощения*», – понимает Маккавей.

– Мы должны отправиться за ними, – снова кивает Байцахан. – Рад, что ты со мной согласен. Но сначала твоя рука. Ее нужно исправить.

- Я не хочу ничего исправлять. В этом *нет необходимости*.

Маккавей качает головой.

– Хочешь снова взять в руки лук? Управлять лошастью и при этом управляться с мечом? Придушить харраппанку не одной рукой, а двумя?

Байцахан склоняет голову.

– Теперь это невозможно.

– Слышал когда-нибудь о бионических протезах? О разумных механизмах?

Байцахан хмурит брови.

– Честное слово, ты и твоя Линия словно вышли из глухого прошлого. Теперь слушай: я предлагаю отрастить тебе новую руку. В некотором смысле. Руку, которая будет *лучше*, чем твоя настоящая.

Байцахан поднимает культю.

– И где творят такое колдовство?

– В Берлине. Через два дня, – ухмыляется Маккавей.

– Хорошо. А что потом?

– А потом мы воспользуемся вот этим, – говорит Маккавей, показывая сферу, к которой Байцахан не может прикоснуться. – Найдем с ее помощью кахокийку и ольмека и заберем у них Ключ.

Байцахан снова закрывает глаза и делает глубокий вдох.

– Мы будем охотиться.

– Да, брат. Мы будем охотиться.

* * *

«Самые безумные слухи ходят о том, что творится сейчас на юге Англии, в Стоунхендже. Прошла неделя с тех пор, как мы начали получать сообщения от местных жителей, незадолго до восхода солнца видевших луч света, что пронзил небеса над развалинами. Ему предшествовал грохот, раздавшийся за несколько секунд до вспышки. Учитывая, что Стоунхендж окутан легендами уже много веков, предположения о природе луча включают в себя все возможные версии: от прибытия инопланетян до секретной атаки правительственных агентов на резиденцию морлоков – подземных троглодитов, вы не ослышались. С нами на связи корреспондент канала «Фокс» Миллс Пауэр, который находится в городке Эймсбери в паре километров от места событий. Миллс?

– Привет, Стефани.

– Можешь рассказать нам о том, что происходит?

– Здесь полная неразбериха. Городок переполнен людьми. Правительственные грузовики снуют тудаобратно, в воздухе черно от вертолетов. Из анонимного источника мне известно, что в небе над нами двадцать четыре часа в сутки находятся три беспилотника, принадлежащих МИ-6 или ЦРУ. Вся территория оцеплена. Присутствуют представители британских, французских, немецких и американских властей. Само место происшествия накрыто огромным белым шатром.

– Это означает, что определить источник предполагаемой вспышки невозможно?

– Ты права, Стефани. Но вспышка – это факт, а не предположение. У нашего телеканала есть четыре видеозаписи луча, снятые на камеры смартфонов разными людьми. Сейчас мы пустим их в эфир.

– Ничего себе... я первый раз вижу...

– Да. Шокирующие свидетельства, Стефани. На этой записи хорошо видно, что луч исходит откуда-то из той части Стоунхенджа, где находится Пяточный камень. Но самое странное – то, что все четыре смартфона прекратили видеозапись в один и тот же момент, хотя их владельцы пытались запустить ее снова.

– Стоунхендж привлекает... привлекал множество туристов. Скажите, Миллс, кто-нибудь, кроме тех, кто снимал эти видео, находился на месте событий?

Есть ли свидетели произошедшего?

– Как я уже говорил, здесь царит атмосфера строгой секретности. Ходят неподтвержденные слухи о людях, задержанных властями. Некоторые из них, возможно, находятся на борту «Неустрасимого», корабля королевских ВМС, эскадренного миноносца, который сейчас дрейфует по Ла-Маншу. Естественно, военные представители не подтверждают и не опровергают эти слухи, мотивируя свое молчание тем, что идет расследование. На все вопросы о том, что именно они расследуют, мы получаем стандартный ответ, цитирую: «Неожиданные изменения внутри и вокруг Стоунхенджа». Больше никакой информации. Единственное, что можно сказать наверняка: что бы там ни произошло, никто не должен об этом знать.

– Ну да, это... это очевидно. Большое спасибо, Миллс. Пожалуйста, держи нас в курсе любых новостей с места событий.

– Обязательно, Стефани.

– Далее в нашей программе: развитие кризиса в Сирии и трогательная история из пострадавшего от падения метеорита района в Аль-Айне, Объединенные Арабские Эмираты...»

Эшлинг Копп

США, Нью-Йорк, Квинс, международный аэропорт имени Джона Кеннеди, Терминал 1, иммиграционный контроль

Эшлинг Копп заметила место удара, глядя в маленькие овальные иллюминаторы самолета. Черная впадина – шрам на лице города. Результат катастрофы, более разрушительной, чем все, что она видела на снимках последствий террористической атаки 2001 года, – атаки, которая была делом человеческих рук.

Что-то здесь изменилось.

На восстановление и расчистку завалов уйдут десятилетия. Необычно выглядел центр кратера, точки удара. Вместо камней и пепла там виднелось белоснежное пятно. Шатер. Такой же, как тот, что закрывал эпицентр происшествия в Стоунхендже. Того, что сотворили кахокийка и ольмек с древними кельтскими руинами.

С одним из мест, принадлежащих *ее* Линии. Древнее место силы латенцев.

Его использовали. Отняли. И теперь скрывали. Для Эшлинг эти белые навесы – знаки. Знаки того, что правительства напуганы, растеряны и ничего не понимают. Им не под силу исправить случившееся – метеориты уже упали, Стоунхендж уже преобразен. Потому они скрывают ущерб, пока не разберутся, что к чему.

Но на сей раз они не разберутся.

Спустя несколько минут после того, как самолет обогнул Квинс, она заметила еще кое-что. То, что она *хотела* увидеть. Оно было там, на Брод-Чаннел, на вытянутом клочке суши, соединявшем Рокуэй Пенинсула и Квинс. Дедушкин дом... ее дом. Хрупкое бунгало на West 10th Road, выстоявшее даже после того, как космический метеорит, упавший всего в нескольких милях к северу, убил 4416 человек и покалечил вдвое больше. Все могло бы закончиться еще хуже, если бы метеорит упал не на кладбище. Покойные приняли на себя главный удар.

Эшлинг все еще была жива. И ее дом выстоял.

Надолго ли? Этого Эшлинг не знает. Долго ли продержится аэропорт имени Джона Фицджеральда Кеннеди, более известный как JFK? Белые правительственные шатры?

Весь этот мир?

Событие совсем близко. Ей известно, когда все произойдет, – но где? Если эпицентр придется на Филиппины, Сибирь, Антарктику или Мадагаскар, ее деревянный домик выстоит.

Нью-Йорк выстоит, JFK выстоит.

Но если Событие свершится где-нибудь в Северной Атлантике, гигантские волны обрушатся на побережье, смывая дома мили за милей. А если Событие произойдет на суше, если его эпицентром станет город, дом ее исчезнет в языках пламени за долю секунды.

Эшлинг уверена, что в любом случае это будет астероид. Что же еще? Именно его она видела на древних рисунках над озером Белуизо. Огонь придет с небес. Смерть придет с небес – оттуда же, откуда пришли жизнь и сознание. Огромный кусок железа и никеля, ровесник Млечного Пути, врежется в Землю и на тысячелетия изменит ее облик. Исполинский космический пришелец. Убийца.

В этом сущность кеплеров. Они убийцы.

В этом и моя сущность тоже. Теоретически.

Она подходит к длинной, медленно движущейся очереди к стойке иммиграционного контроля.

Почему она не пристрелила кахокийку и ольмека, когда была такая возможность? Возможно, тогда еще можно было все остановить. Возможно, в тот краткий миг она держала в руках ключ, который остановил бы Последнюю Игру.

Возможно.

Надо было сначала стрелять, а потом задавать вопросы.

Она проявила слабость.

«В Последней Игре ты должна быть сильной, – учил ее дед. Он начал повторять эти слова еще до того, как она получила право быть Избранной. – Будь сильной во всем».

«Мне нужно стать сильнее, чтобы остановить это, – думает она. – Больше я не дам слабину».

– Пройдите к тридцать первой, – прерывая ход мыслей Эшлинг, произносит индианка в строгом темно-бордовом форменном пиджаке. У служительницы аэропорта веселые глаза, темные губы и угольно-черные волосы.

– Спасибо, – отвечает Эшлинг. Она улыбается женщине, окидывает взглядом людей в просторной комнате, людей со всего света, самого разного сложения, роста и цвета кожи, богатых и не-таких-уж-богатых. Именно поэтому ей так нравился иммиграционный контроль в JFK. В других аэропортах обычно преобладали люди определенного типа, но только не здесь. При одной мысли о том, что всего этого скоро не станет, Эшлинг становится дурно. Не станет всех этих людей со всеми их жизнями, улыбками, смехом, терпением, вздохами.

«Когда они узнают? – думает она. – Только когда все уже случится?»

В тот краткий миг перед концом? Или за несколько часов? Недель?

Месяцев? Завтра? Сегодня?»

*Сегодня. Сегодня – это было бы интересно. Очень интересно.
Вскоре понадобится куда больше белых шатров.*

Эшлинг подходит к стойке 31. В очереди перед ней – один человек. Атлетически сложенная афроамериканка в ярко-синем спортивном костюме и модных крупных солнечных очках.

– Следующий, – говорит офицер службы иммиграции. Женщина пересекает красную линию перед стойкой и через 78 секунд покидает ее.

– Следующий, – повторяет офицер. Эшлинг приближается, паспорт наготове. Офицеру около шестидесяти, у него квадратные очки и намечающаяся лысина. Наверняка считает дни до пенсии. Эшлинг передает ему паспорт. Тот выглядит потрепанным, на страницах множество печатей, но, насколько известно Эшлинг, на самом деле паспорт абсолютно новый. Всего за несколько часов до отбытия в международный аэропорт «Мальпенса» она забрала его из тайника на виа Фабиано. Туда его прислал дедушка 53 часами ранее. Паспорт был выдан на имя Деандры Белафонты Купер – так ее теперь будут звать. Деандра родилась в Кливленде. Побывала в Турции, на Бермудах, в Италии, Франции, Польше, Великобритании, Израиле, Греции и Ливане. Неплохой список для девушки 20 лет от роду.

Да, 20 лет. Если бы метеориты упали хотя бы на несколько недель позже, она бы вышла из возраста Игрока. Но Эшлинг отпраздновала свой день рождения, пока скрывалась в той пещере. Хотя «отпраздновала» – это не вполне точное описание: она съела жаренную на вертеле белку, запивая ее холодной водой из горного родника. Правда, после еды она позволила себе несколько кубиков сахара и два небольших глотка из фляжки с бурбоном из Кентукки. Но это все равно не похоже на праздник.

– А вы много путешествовали, – отмечает офицер, листая паспорт.

– Да-а, решила годик передохнуть перед колледжем. Лучше бы это было два годика, – отвечает Эшлинг, перенося вес с ноги на ногу.

– Направляйтесь домой?

– Ага. В Бризи-Поинт.

– Так вы местная.

– Ну да.

Он прогоняет паспорт через сканер. Откладывает в сторону маленькую голубую книжечку. Печатает. Вид у него человека скучающего, но довольного – впереди пенсия. Внезапно его пальцы на секунду замирают над клавиатурой. Он слегка склоняется к экрану, потом выпрямляется снова.

Продолжает печатать.

Она ждет у стойки уже 99 секунд, когда он произносит: – Мисс Купер, я хочу попросить вас отойти от стойки и пообщаться с моими коллегами.

Эшлинг изображает беспокойство.

– Что-то не так с моим паспортом?

– Нет, дело не в этом.

– Можно я тогда его заберу?

– Боюсь, что нет. Пожалуйста, – он указывает одной рукой, вторая ложится на рукоять пистолета, – пройдите вон туда. Эшлинг уже заметила их краем глаза. Двое мужчин в форме, вооруженные М4 и служебными кольтами. Один ведет за собой на поводке очень большую и довольную жизнью немецкую овчарку.

– Меня что, арестуют?

Офицер расстегивает кобуру, но пистолета не вынимает. Эшлинг ловит себя на мысли, что впервые за 20 с лишним лет службы этот человек оказался в центре событий.

– Мисс, я не стану повторять еще раз. Пожалуйста, подойдите к моим коллегам.

Эшлинг поднимает руки и широко раскрывает глаза, позволяя навернуться слезам: именно так и повела бы себя Деандра Белафонта Купер, которая не была Игроком, но много путешествовала. Она старается выглядеть испуганной и беззащитной.

Отвернувшись от офицера, она направляется к мужчинам, спотыкаясь на ходу. Но они ей не верят. Более того, делают полшага назад. Собака делает стойку по тихой команде хозяина. Ее уши насторожены, хвост вытянут, шерсть на загривке встала дыбом. Второй, не тот, что ведет собаку, поднимает свое оружие и произносит:

– Сюда. Вы первая. Спокойно сложите руки так, чтобы мы их видели.

Эшлинг отвечает действием. Она разворачивается, сводит руки за спиной, сразу под рюкзаком, сцепляет пальцы.

– Так?

– Да. Идите прямо вперед. В конце зала будет комната под номером Е-один-один-семь. Дверь будет открыта.

– Я могу задать вопрос?

– Нет, мисс, не можете. Теперь идите.

Она идет.

Двигаясь в нужном направлении, Эшлинг гадает, не спрячут ли и ее под белый навес.

– Tango Whiskey X-Ray, это отель «Лима», прием.

– Tango Whiskey X-Ray слушает.

– Отель Лима подтверждает личности Полуночников Один и Два. Добрый вечер.

Повторяю, добрый вечер. Прием.

– Вас понял, отель «Лима». Добрый вечер. Протокол?

– Протокол «Призрачный захват». Прием.

– Вас понял, «Призрачный захват». Команды Один, Два и Три на позиции. У нас есть глаза?

– Глаза онлайн. Начинаем в ноль-четыре-пять-пять по Гринвичу.

– Принято, начинаем в ноль-четыре-пять-пять по Гринвичу.

Увидимся на той стороне.

– Вас понял, Tango Whiskey X-Ray. Отель «Лима», конец связи.

Яго Тлалок, Сара Алопай

Лондон, Кенсингтон, отель «Кроун Плаза», номер 438

Новостной канал работает в фоновом режиме целый день – пока Яго беседует с Ренцо и уточняет детали их переезда, пока Сара пакует рюкзаки. Вещей у них не так много, но все же. Яго еще раз оговаривает детали запасного плана – вдруг придется воспользоваться именно им. План включает в себя побег через близлежащие тоннели метро и канализацию. Сара слушает, но Яго видит, что она не вслушивается в его слова. Потом завтрак – снова еда из «Бургер Кинг», каждый жирный и соленый кусочек они смакуют, как гурманы.

Событие близко. Дни фаст-фуда сочтены.

Сара залезает в ванную, медитирует, стараясь не плакать из-за Кристофера и грядущего конца света, – и у нее даже получается. Яго разминается в гостиной. Сначала три подхода по 100 отжиманий, потом три подхода по 250 приседаний и три подхода по 500 прыжков на месте. Выбравшись из ванной, Сара чистит керамопластиковые пистолеты.

Неизвестно, кто их изготовил, но каждый идентичен SIG Pro 2022 во всем, кроме материала, цвета, веса и емкости магазина. Закончив, она кладет один со своей стороны кровати, а другой – туда, где спит Яго. Два пистолета – Его и Ее. Они даже посмеялись над тем, что на каждом надо бы сделать монограмму. Впрочем, прозвучало это совсем не смешно. В каждом пистолете по 16 патронов и дополнительная обойма на 17. Сара выстрелила из своего лишь один раз – и эта пуля убила Кристофера и задела Аня; возможно, убила и его. Выстрел Яго оцарапал голову Тиёко.

Другого оружия, кроме пистолетов и собственных навыков, у них нет.

Если только Ключ Земли не окажется оружием, а это вполне вероятно. Он лежит в центре круглого журнального столика. Маленький и, на первый взгляд, безопасный. Спусковой крючок конца света.

Новости по телевизору. «Би-би-си». Весь день одно и то же. Метеоры, загадка Стоунхенджа, метеоры, загадка Стоунхенджа, метеоры, загадка Стоунхенджа. Впрочем, время от времени в эфир все же прорывается что-то о Сирии и Конго, Латвии и Мьянме, плюс немного о расшатавшейся мировой экономике, которую лихорадит из-за нового финансового кризиса, вызванного – Сара и Яго это знают наверняка – Последней Игрой. Белые воротнички с Уолл-Стрит не разобрались в причинах. Во всяком случае, пока.

Метеоры, загадка Стоунхенджа. Войны, обвал рынков.

Новости.

Только под вечер Сара впервые нарушает молчание:

– Когда это произойдет, все потеряет смысл. Не будет больше ничего.

– Ты права. *Nada*. Ничего.

Новости прерывает реклама. Ролик посвящен местному агентству по продаже автомобилей.

– Хотя по некоторым вещам я скучать не стану, – добавляет Сара, похоже, она пытается пошутить.

Яго следовало бы ликовать. Но он лишь неотрывно смотрит на экран.

– Не думаю. Кажется, я буду скучать вообще по всему. Сара бросает взгляд на Ключ Земли. Именно она стала той, кто запустил... нет. Она ведь решила, что больше не будет себя винить. Она всего лишь Играла. Правила установили другие. Сара садится на край кровати, упершись руками в матрас.

– Как думаешь, Яго, что именно случится?

– Не знаю. Вспомни, что показал нам кеплер 22b. Видение Земли...

– Сгоревшей. Темной. Серой, коричневой и алой.

– *Si*.

– Изуродованной.

– Может, они используют какую-то инопланетную технологию? Кто-нибудь из amigos... друзей кеплеров нажмет на кнопку у себя на родной планете и – *бум!* – Земля разрушена.

– Нет. Все будет гораздо хуже. Более... *эффектно*.

Яго поднимает пульт и выключает телевизор.

– Чему бы ни суждено случиться, сейчас я не хочу думать об этом.

Она смотрит на него. Протягивает руку. Яго ловит ее ладонь и садится рядом на кровать, упираясь плечом в ее плечо.

– Яго, я не хочу оставаться одна.

– Не останешься, Алопай.

– После того, что случилось в Стоунхендже... – Не останешься.

Они падают на спину.

– Мы уедем завтра, как и планировали. Найдем Ключ Неба.

Продолжим Игру.

– Ага, – говорит она без особой уверенности. – Точно.

Яго берет ее за подбородок и поворачивает лицом к себе.

Целует.

– Мы справимся, Сара. Вместе – справимся.

– Заткнись. – И она целует его в ответ. Ощупывает языком бриллианты на его зубах, прикусывает его нижнюю губу, ощущая его дыхание.

Что угодно, лишь бы забыть.

И Сара забывает. До конца дня она больше не произносит слов «Играть», «Ключ Земли», «Ключ Неба», «Последняя Игра» или «Кристофер». Она просто обнимает Яго и улыбается, касается его и улыбается, чувствует его и улыбается.

Она засыпает в 11:37 вечера.

Яго не спит.

Яго сидит в кровати до 4:58 утра. Совершенно неподвижно. Без света. Слева от кровати – два окна, выходящих на маленький дворик. Ставни открыты, свет с улицы проникает сквозь стекло. Для Яго этого достаточно. Он уже одет. Сара тоже. Он смотрит, как она спит. Как дышит глубоко и медленно.

Кахокийка.

Он пытается вспомнить историю, которую когда-то рассказывал его прадед, Шеалор Тлалок: о легендарном сражении между человечеством и Небесными богами, случившемся несколько веков назад. Сражении, которое жители Земли, практически безоружные, выиграли.

4:59

Если они с Сарой хотят выжить, им придется дать бой Небесным богам во второй раз. Но как их можно одолеть? И как тогдашние земляне, у которых в распоряжении были только копья, луки, мечи и ножи, разбили армию Создателей?

5:00

Как?

В воздухе что-то меняется. Волоски на шее Яго встают дыбом; он поворачивает голову к двери. Узкая полоска света на полу от ламп в коридоре. Несколько секунд он пристально следит за ней: неожиданно кто-то загораживает свет снаружи. Яго хватается за пистолет с прикроватного столика. Сара просыпается, получив ощутимый тычок костлявым локтем. Широко распахивает глаза и готовится что-то сказать, но ладонь Яго зажимает ей рот. Взгляд красноречив:

«Кто-то идет».

Сара соскальзывает с кровати на пол. Подбирает пистолет и бесшумно досылает патрон. Откатывается под кровать.

Яго следует за ней.

– Игрок? – шепчет Сара.

– Не знаю.

Потом он вспоминает. Кивает в центр комнаты. Ключ Земли все еще лежит на журнальном столике.

– Вот дерьмо, – констатирует Сара.

Прежде чем Яго успеет ее остановить, Сара выбирается из-под кровати, встает на четвереньки, но неожиданно замирает. Яго вглядывается в темноту поверх ее головы. Там, сразу за окнами, извиваются две черные веревки военного образца.

– *La Joda!* – шепчет Яго.

В ту же секунду дверь распахивается. Четверо мужчин организованной группой врываются в гостиную. Они с ног до головы с черным и в такого же цвета шлемах с приборами ночного видения. В руках у всех – штурмовые винтовки FN F2000, с виду похожие на оружие будущего. В ту же секунду снаружи раздается глухой стук, оконные стекла рассекает паутина трещин. Двое мужчин соскальзывают по веревкам, целясь ногами в стекло. От удара оно разбивается, осколки разлетаются по всей комнате. Раскачав веревки, мужчины влетают в комнату сквозь опустевшие оконные проемы и приземляются на ноги прямо перед Сарой. Из глубокого приседа она направляет пистолет в лицо лидеру группы.

Мешкает с выстрелом и ненавидит себя за это.

Все ее чувства обострены, поэтому она замечает, что вместо гранатометов винтовки оборудованы какими-то новыми, странными приспособлениями.

– Не двигаться, – приказывает лидер. В его голосе слышится британский акцент. – И опустить оружие.

– Где второй? – спрашивает один из тех, кто пришел через дверь.

За его спиной слышится голос:

– Включаю тепловизор. Там... *Бах-бах!*

Яго стреляет и откатывается направо, подальше от Сары.

Оба выстрела попадают в ноги мужчины с тепловизором. На голених у него пуленепробиваемая защита, но Яго догадался об этом, и пули прошли плоть и кость сразу над ступ-

нями. Мужчина падает на землю с воплем. Никто из солдат не пытается ему помочь. Вместо этого они открывают огонь.

Но в воздухе свистят не пули.

Сара подпрыгивает и группируется, поджав колени к груди, а головой едва не задев потолок. Под ней проходят два дротика.

Пуф-пуф. Оба втыкаются в стену.

Пуф-пуф-пуф-пуф-пуф. Яго тоже вскочил на ноги. Он схватил с прикроватного столика металлическую лампу и теперь движется вперед в странном танце, увертываясь, наклоняясь, крутясь. Четыре дротика – четыре дырки в его футболке, пятый задевает волосы, но ни один не касается тела.

Шестой со звоном отскакивает от металла лампы.

– Сеть! – командует старший из тех, что спустились на веревках. Человек у него за спиной поднимает что-то вроде ручного противотанкового гранатомета и стреляет. Темный шар направляется от него к Саре, расширяясь в воздухе. Она дважды стреляет, чтобы сбить металлические грузила, придающие сети вес и толкающие ее вперед, но это не помогает. Сеть все ближе.

Яго кидает лампу, выбрасывает ее перед Сарой. Сеть ударяется о неожиданное препятствие и захлестывается вокруг, будто сжимаясь в кулак. Сара бросается на пол, отпихивая в сторону плотный клубок, внутри которого оказалась лампа. Затем оба Игрока бросаются вперед, синхронно открывают огонь, разворачиваясь из стороны в сторону, чтобы в них сложнее было попасть дротиком.

Чтобы попасть в них было *невозможно*.

Яго стреляет в противников Сары через всю комнату под таким углом, чтобы только сбить с обоих приборы ночного видения.

Сара, в свою очередь, стреляет в тех, кто метит в Яго. Ей удается повредить две обоймы с дротиками, прикрепленные поверх винтовок, сбить одного из нападающих с ног попаданием в грудь бронежилета, разнести пятым по счету выстрелом панель телевизора на дальней стене. Экран взрывается искрами: голубыми, оранжевыми, зелеными.

Но солдаты не собираются отступить.

– Огонь на поражение! – выкрикивает один из них. Яго бросается на колени, когда шелест дротиков сменяется свистом пуль. Полдюжины патронов размером 5,56x45 мм пролетают у него над головой. В следующую секунду он со всего размаха бьет стрелка в пах рукоятью пистолета. Затем стреляет дважды – в тех двоих, что стоят за лидером группы. Одному пуля попадает в руку ниже запястья, другому – в плечо. Встает на ноги и срывает гранату с бронежилета своей жертвы. По ее форме и весу определяет, что она светошумовая.

Между тем Сара приближается к двум своим противникам. Один из них открывает беспорядочную пальбу, и Саре ничего не остается, как выпрыгнуть в разбитое окно.

Там все еще висит веревка, и Сара хватается за нее, скользит вниз вдоль внешней стены на шесть футов, пряча пистолет за пояс другой рукой. Нога ее обвивает свободный конец веревки. Одна рука у девушки теперь свободна.

Она протягивает ее, ловит вторую веревку и повторяет трюк с петлей вокруг ноги. Отпускает обе руки и откидывается назад. Спиной она задевает стену здания, и на долю секунды из нее выбивает дух. Подбородок ударяется о грудь, пистолет выскользывает. Сара висит вверх тормашками, как воздушная гимнастка. От падения на землю вниз головой с высоты трех этажей ее удерживают только веревки, зафиксировавшие ноги. Пистолет ударяется об асфальт где-то внизу. Сара сгибается и хватается за веревку на уровне колен, подтягиваясь так, чтобы ноги оказались всего несколькими дюймами ниже края окна. Яго видит, как Сара выпрыгивает в окно, но не беспокоится за кахокйку – ее реакции молниеносны. Он просто закрывает глаза и кидает гранату к дальней стене.

Комнату наполняет яркий свет и шум, который отражается от стен и потолка, выплескивается на улицы ночного Лондона и устремляется в небо. Яго вскакивает и бьет лидера группы рукоятью пистолета в основание шеи. Тот кулем падает на пол. Мужчина, которого Яго подстрелил в начале схватки, все еще лежит, но у него хватает сил целиться в противника из штурмовой винтовки. Один поворот – и Яго уже возле одного из оглушенных солдат, приподнимает его со спины за плечи, чтобы тот оказался между ним и нападающим в момент выстрела. Две короткие очереди. Но пули вонзаются в кевларовый бронезилет. Яго отпрыгивает в сторону, швыряя на металлический журнальный столик бесчувственное тело – ударная сила пуль все же велика, и солдат потерял сознание. Ключ Земли катится по столешнице и останавливается на самом краю, будто замешкавшись, не желая падать. Яго бросается было на помощь Саре, когда в дыму мелькает росчерк лезвия ножа. Он рассекает правую руку Яго, ту, в которой он держит пистолет. На запястье остается глубокая рана. Оружие выпадает из пальцев Игрока, отскакивает от ноги. Нож, направляемый неразличимой в дыму рукой, скользит вверх, едва не задев Яго. Ольмек пятится, чтобы избежать удара, и отклоняется так далеко, что теряет равновесие. Он вынужден отвести руки назад, чтобы не упасть. Одна из них натывается на холодную поверхность журнального столика. Другая – на мускулистую ногу солдата, который поймал полдюжины пуль в спину в упор. Пальцы Яго нащупывают ножны. Он выдергивает из них военный нож, раскручивает, чувствуя, как возвращается уверенность. Нападающий шагает ему навстречу, больше не пытаясь укрыться в дыму, – он готов к бою.

Яго занимает позицию и поднимает свободную руку, прикрывая горло. Солдат бросается на него из-за дымовой завесы. Яго уклоняется, и лезвие задевает рукав его футболки, разрезая ткань, но не кожу.

Угол атаки позволяет Яго оттеснить нападающего еще дальше в сторону. Отбросив нож, он делает шаг вперед, одной рукой хватая солдата за руку чуть выше локтя, другой сжимает запястье. Резкий рывок выворачивает предплечье и запястье в разных направлениях, рука мужчины ломается в локтевом сгибе. Вопль боли не мешает Яго заметить, что противник выпустил рукоятку ножа. Тот падает на пол, летит острием вверх – тяжелая рукоятка перевешивает. Яго подбрасывает его ногой, заставляя изменить направление. Теперь нож не падает, а взлетает. Выпустив запястье противника, Яго хватается оружие на лету.

Но стоит ему сжать пальцы на рукоятки, как солдат бодает его в лоб головой, покрытой шлемом, – довольно болезненно. Если бы боль могла сбить Яго с толку, солдат, пожалуй, получил бы шанс.

Но Яго плевать на боль.

Ольмек накрывает ладонью шею противника и вонзает нож ему в горло. Теплая кровь струится по рукам Яго. Он отступает, оставляя солдата наедине со смертью.

Пока Яго вел свой бой, двое противников Сары пришли в себя после взрыва светометровой гранаты. Они переглядываются, затем бросаются к окну. Они вскидывают винтовки и вскакивают на подоконник. Стволы рассекают воздух, целясь во все, что может показаться справа или слева, но вокруг никого нет. Тогда один высовывается из окна, чтобы осмотреть верх веревки, а другой тем временем свешивается вниз.

Сара ждет. Все еще вниз головой, она протягивает руку и хватается ничего не подозревающего солдата за воротник. Тянет изо всех сил, снова откинувшись назад, и солдат по инерции выпадает из окна. С воплем он пролетает оставшееся до земли расстояние, затем следует неприятный звук удара тела о землю и снова воцаряется тишина.

Сара смотрит вверх, понимая, что его напарник все еще там. Мгновение Сара видит его глаза. Потом слышит щелчок спускаемого курка, и раздается очередь.

Паф-паф-паф-паф-паф! Солдат выпускает почти всю обойму, но Сара постоянно двигается, раскачиваясь и вращаясь на веревках, и пули пролетают мимо, со свистом врезаясь

в бетон и металл улицы внизу. Короткая пауза, солдат снова целится в нее, и вот она уже точно на прицеле. Сара не закрывает глаз, как не закрывал Кристофер, встречая свою смерть.

Но мужчина неожиданно подается вперед и выпадает из окна: в основании шеи у него торчит нож.

– Ты в порядке? – окликает ее Яго, не меняя позиции.

– Да!

– Здесь еще один.

Яго оборачивается к раненому на полу.

– «Крик петуха!» Повторяю, «крик петуха!» – твердит тот. Когда что-то влетает в комнату, Яго инстинктивно пригибается и удар приходится в лицо солдата. Его голова разрывается на части.

– Снайпер! – кричит с улицы Сара.

– Выхожу! – отзывается Яго.

Сара снова разворачивается вниз головой – сейчас она в безопасности. Выпрямив ноги, отпускает себя в свободное падение, которое немного замедляет лишь веревка, струящаяся по ногам. За миг до столкновения с землей она снова сгибает ноги и вытягивает над головой руки. Падение замедляется.

Ее ладони касаются асфальта. Рывком Сара освобождается от веревок и группируется из идеальной стойки на руках. Снайперу ее не достать. Наверху, в комнате, Яго приводит в действие еще две светозумовые гранаты. Вой и грохот заполняет все вокруг, поэтому Яго ничего не слышит, когда бросается вперед и, нырнув под журнальный столик, хватается Ключ Земли. Три пули вонзаются в пол прямо перед ним. Еще один бросок, осталось всего несколько метров. Следующие три пули ударяют в столешницу. Еще один метр. Очередная пуля свистит в нескольких сантиметрах от его головы.

Черт бы их подрал!

Яго выпрямляется и с криком «Лови!» кидает Ключ Земли в окно. Затем прыгает следом, ухватившись за одну из веревок обеими руками. Снайпер продолжает стрелять – он где-то на севере – северо-востоке, на крыше здания. Руки горят. Ладони содраны в кровь. Развернувшись, Яго упирается ногами в стену и останавливает падение. Снайпер теперь слишком высоко и не может его достать. Яго делает из веревки петлю и преодолевает оставшиеся до земли шесть метров. – Держи! – командует Сара. Яго разворачивается как раз вовремя, чтобы схватить F2000, который перебрасывает ему Сара. Пистолет приземляется прямо в кровоточащую ладонь ольмека. Но боль ему привычна. Даже приятна.

Он Играет.

Сара наклоняется, чтобы подобрать вторую винтовку и собственный пистолет. Яго выдергивает нож из шеи солдата. Сара забирает у одного из погибших две светозумовые гранаты. Яго снимает с его же пояса баллон с распылителем и небольшой мешочек размером с бейсбольный мяч.

– Что это? – спрашивает Сара, кивая на канистру.

– Аэрированный C4, – отвечает он, не скрывая отвращения.

– Ничего себе. Ни разу не сталкивалась. А ты?

– Бывало.

– А эта штука – подрывной капсуль?

Он кивает.

– Si.

– Отлично. Теперь давай отсюда выбираться.

Яго кивает.

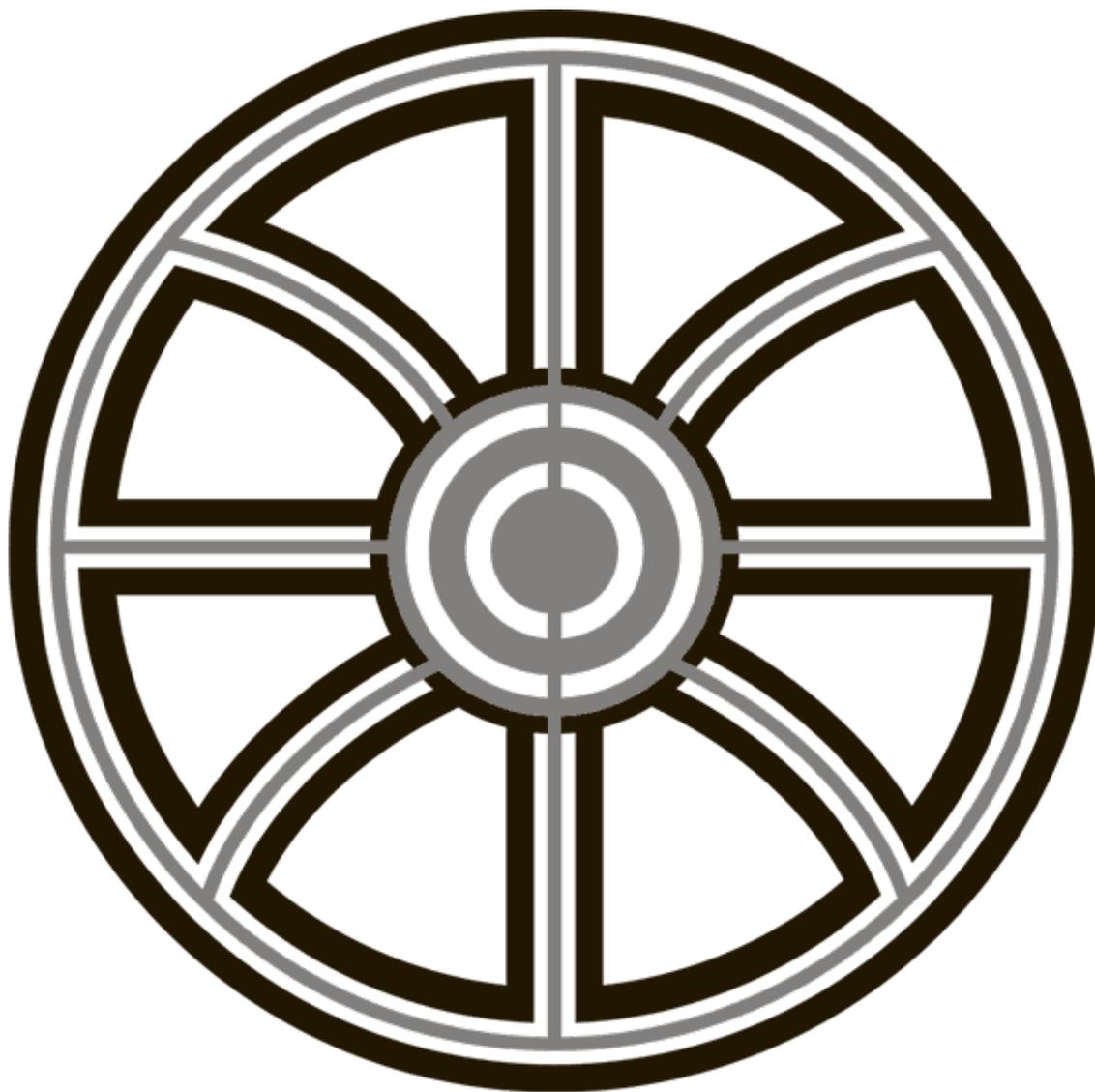
– Ты поймала Ключ Земли?

Сара похлопывает по небольшому уплотнению в застегнутом на молнию кармане.

– Хороший бросок.

Не обменявшись больше ни словом, они бегут прочь. Через несколько секунд Яго показывает вперед, и Сара тут же замечает направление. Зброшенный подземный перегон ведет к Дистрикт-лайн и Серкл-лайн. Они добираются до входа за 15,8 секунды, еще 7,3 секунды бегут по темным, но безопасным тоннелям. Когда они ныряют под землю, образ Кристофера вновь заполняет сознание Сары: его голова разрывается, тело оседает. Она пытается выбросить видение из головы – успешно. Движение, борьба, Игра... у всего этого есть как минимум один плюс.

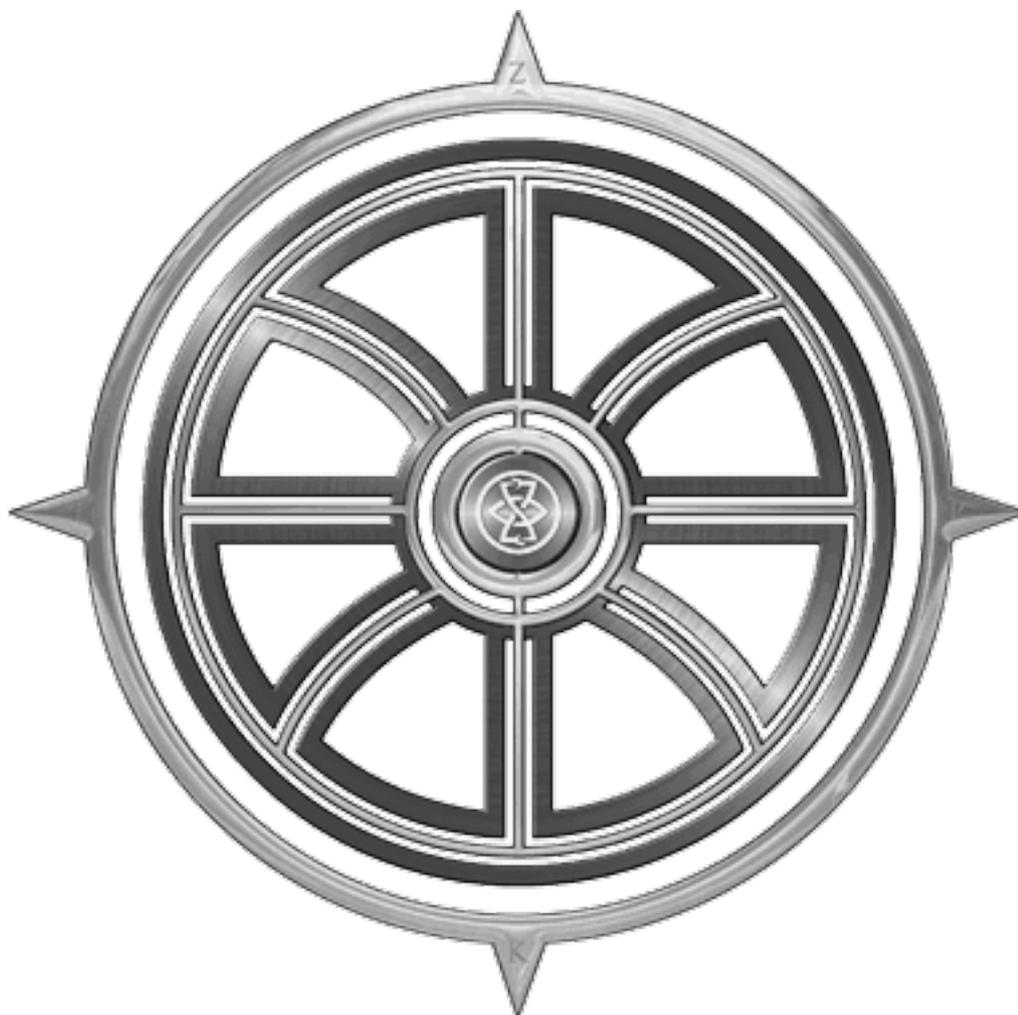
Они помогают забыть.

<http://eg2.co/202>

Элис Улапала

Пассажирская каюта, судно «Жюль Верн» компании СМА СGM, на пути из Дарвина в Куала-Лумпур

Кровати нравятся Элис куда меньше гамаков – особенно корабельные койки, – поэтому она развешивает свой гамак по диагонали в маленькой каюте. Растягивается в нем.

Морские волны раскачивают ее взад-вперед.

Элис играет с ножом: подбрасывает и ловит его, позволив перевернуться в воздухе. Рукоять-острие-рукоять. Подбрасывает и ловит. Подбрасывает и ловит. Одна ошибка – и нож может вонзиться ей прямо в глаз, проткнуть мозг.

Но Элис не ошибается.

Ее мысли лениво крутятся вокруг двух основных идей. Как не уронить нож и как прикончить Байцахана, когда они встретятся.

Еще она думает об ужасе на лице малышки Элис. Она видела его во сне столько раз, что образ, казалось, отпечатался в ее сознании.

Малышка Элис.

Кричит.

Что же такого в этой девочке, которую она никогда не встречала? Почему Элис должна заботиться о ней?

Почему она является ей во сне?

Шари – человек что надо, вот почему. Я тоже ничего. Остальные – те еще паразиты, ну и пусть заботятся о себе сами.

Раздается трель звонка – спутниковый телефон. Она поднимает трубку, нажимает клавишу.

– Тим, это ты? Ага, ага. Поняла. Хорошо! А с кузеном Вилли из К-Л ты переговорил? Круто. Ага. Угу. Не, это не надо. Только мечи. Нет, Тим, я вполне серьезно! Пушки мне не нужны, говорю же. Ты меня знаешь. Пуристка и все такое. Ага, отлично. Тут ты прав. Остальные Игроки, чтоб им провалиться, будут вооружены до зубов, твоя правда. Тогда пусть будут, только маленькие и с пулями «дум-дум». Ага. Да. Слушай, а что про камень? Уже поняли, куда он упадет? Потому что твоя Элис сделает все возможное, чтобы оказаться подальше от этого места. Что, ты тоже? Ну надо же.

Она подбрасывает нож над головой, тот переворачивается девять раз и ложится в протянутую руку между указательным и большим пальцами. Новый бросок.

– Что с Шари? Да ладно! И когда ты собирался мне об этом сказать, дурачина? Вернись, все веснушки тебе подрумьяню, Тим.

Ну, и что же ты выяснил?

Она ловит нож за рукоять и перевешивается через край гамака так далеко, словно решила выпрыгнуть, – но остается на месте. Перекидывает ногу с другой стороны, чтобы сохранить равновесие. Вытянувшись, выцарапывает на стене номер.

91-8166449301.

– Спасибо, Тим. Постарайся выжить, когда все начнется.

Обещаю, зрелище будет! Да, до скорого, парень.

Она снова нажимает ту же клавишу, укладывается в гамаке, набирает телефон Шари.

12 гудков – никто не отвечает. Она набирает снова.

12 гудков – никто не отвечает. Она набирает снова.

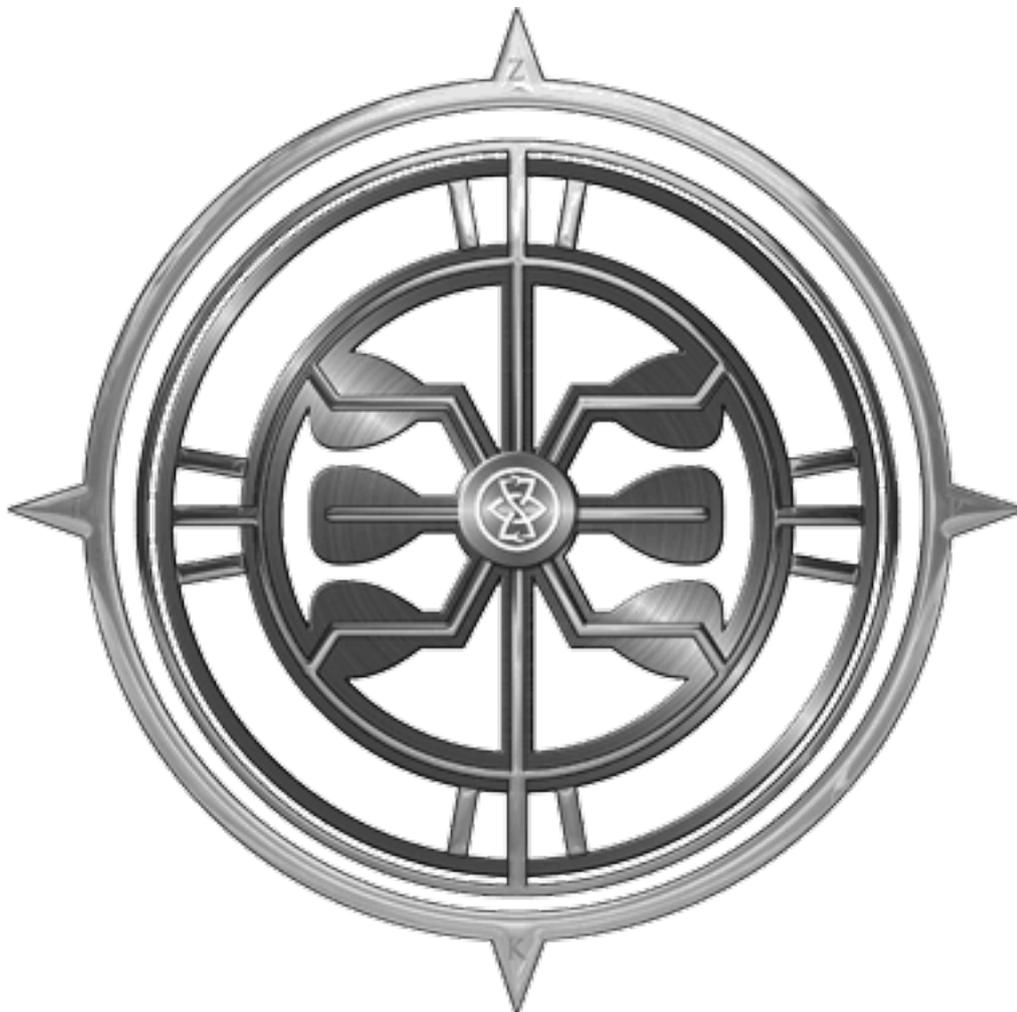
12 гудков – никто не отвечает.

Она набирает номер снова и снова, снова и снова – и будет нажимать клавиши, пока кто-нибудь ей не ответит. Потому что она должна сказать хараппанке кое-что очень важное.

Кое-что очень, очень важное.

Шари Чопра и вожди Хараппанской линии

Индия, Сикким, Гангток, лучший банкетный зал ресторана «Гуд Форчун»

Они все здесь.

Шари и Джамаль, Пару и Ана, Чар и Чалгунди, Сера и Пим, Правит и Уна, Самуэль и Яли, Пити и Юлу, Вардж и Хума, Химат и Хаиль, Чиппер и Гала, Бурт и Елена, Джовиндерпихайну, Гар, Виралла, Гуп, Брундини, Чем и даже Квали, укачивающая трехнедельную Джессику – сверток мягких льняных тканей цвета ализарина и бирюзы.

Остальные дети в возрасте от двух до 17-ти тоже здесь, их больше пятидесяти – слишком много, чтобы вспомнить имена; малышка Элис – среди них. Они играют в прилегающей комнате и небольшом садике – только трава и камни – прямо за ней, присматривают друг за другом, послушно оставив взрослых в покое. С ними семнадцать слуг и, по совместительству, охранников. Еще 23 наняты только как телохранители – они вооружены и занимают позиции по всему залу.

Встреча – обсуждение, перекусы, сок, чай, кофе, ласси (в Линии Хараппа не пьют спиртное) – длится уже больше трех часов. Ароматы карри и кориандра, чечевицы и хлеба, куркумы и сливок, горячего масла, лимона, чеснока и лука витают в воздухе, к ним добавляется насыщенный и тяжелый запах тел, пота, корицы и розовой воды, капельки которой наносят за ушами и на ключицы.

Сейчас все говорят одновременно.

Целых три часа они были вежливы и учтивы, внимательно слушали друг друга и обменивались теплыми словами, как и положено членам одной семьи.

Но 16 минут назад разгорелся спор.

– Линия Хараппа не может оставаться в стороне, – говорит Пити. Ему 44, самый высокий мужчина их клана, не Игрок, но какое-то время обучал Игроков криптографии. У него темные, глубоко посаженные глаза, в которых застыла печаль; волосы окрашены хной – признак тщеславия.

Гуп – 53 года, бывший Игрок, холостяк из Коломбо, когда-то воевал с тамилами просто чтобы удовлетворить врожденную склонность к насилию, – кивает в такт его словам.

– Особенно сейчас, когда началась Последняя Игра.

Зачем нашему Игроку выходить из Игры? Мы стоим на пороге... если не уничтожения, то поворотного момента для всего человечества. Им станет Событие.

– У Игрока есть свои причины, – отвечает Юлу, одна из теток Шари. Она произносит эти слова, не поднимая глаз от алых четок, которые неустанно перебирает в пальцах.

– Причины? – выкрикивает сразу несколько человек в ответ. – *Причины?*

– И что же это за причины? – Низкий женский голос доносится с дальнего конца стола. – Я хочу знать. Для меня это – позорное бегство при виде первой капли крови.

Слова принадлежат Елене – 66 лет, была Игроком, одним из двух самых сильных за прошедшие 208 лет. Она коренастая, круглая, сильная и до сих пор энергичная.

– *Палец?* Я отдала бы глаз и легкое, даже ногу, прежде чем бежать домой. Я отдала бы руку, слух и язык! Нет, я отдала бы *все!* Но *не* вернулась бы домой по иной причине, кроме смерти!

Бурт – ее муж, 46 лет (они поженились с первым ударом часов в полночь того дня, когда Елена выбыла из Игры), – мягко похлопывает ее по руке:

– Спокойно, Елена.

– *Aand mat kha!* – восклицает она, стряхивая руку Бурта, чтобы ткнуть пальцем в Шари. – Эта... эта... эта *девчонка* сдалась! Сдалась. На ее счету даже нет ни одного убитого! Приложила массу усилий, лишь бы избежать этой почетной обязанности. Куда больше, чем потратила непосредственно на Игру. Я убила тридцать человек, пока не выбыла из гонки. Но она? Ни одного! Она для этого слишком *добренькая*. Только представьте! Игрок Последней Игры. Игрок Последней Игры – и *мать!* Можете в это поверить? Мы сделали ставку на нее. На бесхребетную трусиху.

Теперь в комнате тихо: слова Елены подействовали как пушечный залп, после которого все еще некоторое время боятся показаться из укрытий. Только Шари не пытается от них увернуться. Выпрямив спину, она сидит и слушает. Взгляд ее прикован к каждому, кто в свою очередь держит слово, поэтому сейчас она неотрывно глядит на Елену. В глазах ее только спокойствие и уверенность. Она любит Елену, как любят члена семьи, и никакая гневная отповедь не может этого изменить.

Она любит всех этих людей.

Взгляд Шари еще больше распаляет Елену. Она ошибочно читает в нем неуважение.

– Не смотри на меня так, Игрок.

Шари слегка склоняет голову набок, как бы в знак извинения, но не произносит ни слова. Взгляд ее скользит мимо Елены, в сторону детской комнаты, где в толпе детей останавливается на ярко-розовых штанишках малышки Элис. Джамаль слегка сжимает под столом ее колено, как если бы они сидели не в переполненной людьми комнате, а у себя во дворе, один на один, любуясь заходом солнца.

– Возможно, ты и права, Елена, но нет смысла сравнивать Шари Чопру с тобой или кем-то еще из Игроков, – вступает в разговор Джовиндерпихайну, старейший в роду. Ему 94,

но ум его остер так же, как в 44, даже в 24 года. В своем оранжевом одеянии старец кажется маленьким и сморщенным, кожа и ткань покрыты одинаковой сеткой морщин. – Она выбирает другой путь. Всегда. Мы не должны осуждать ее выбор. – Но я осуждаю его, Джов! – настаивает Елена. Так его зовут все, кроме детей: у них для старика другое прозвище – Счастливы. Все потому, что они любят его почти беззубую улыбку и последние пряди серебряных волос, вечно торчащие в разные стороны. Правда, сейчас он улыбается редко – с тех пор, как началась Последняя Игра. Дети не понимают почему.

Джов поднимает руку – этот жест знаком всем и с кристальной ясностью показывает, что старейший слышал достаточно. – Я повторю еще раз, но не стану повторять снова – речь идет не о тебе, Елена.

Елена сердито скрещивает руки. Бурт нашептывает ей на ухо что-то личное, успокаивающее, но жена явно его не слушает. – Возможно, нам стоит узнать мнение отца Шари? – предлагает Джов. – Пару? Что скажешь? Твоя дочь сделала странный ход в игре. Ты можешь это объяснить?

Пару прочищает горло.

– Вы правы, моя дочь по природе не убийца. Правда, если бы я оказался на ее месте в свое время, вряд ли и я вел бы себя иначе. Да, возможно, среди нас Шари далеко не самая кровожадная, – здесь его речь прерывается отдельными смешками слушателей, – но одно можно сказать наверняка. Из всех присутствующих, включая и тебя, Джов, Шари – самая добросердечная. При всем моем уважении к остальным.

Джов медленно кивает.

Пару набирает в грудь побольше воздуха, стараясь ответить на каждый направленный на него взгляд.

– Доброе сердце не может служить оружием в Последней Игре. Оно не обладает силой кулака или остротой меча, не может сравниться в скорости с пулей. Оно не движется по кратчайшей траектории, на конце которой – смерть. Да, оно не наносит вреда – но все равно таит в себе огромную мощь. Это я знаю точно. Если Шари сможет выжить и победить, именно эта ее черта будет иметь значение. Новому миру людей доброта понадобится не меньше, чем ум и изобретательность. Возможно, даже больше, если Земля пострадает так тяжело, как мы думаем. Спросите себя, семья: если именно Харатта унаследует мир, вы предпочтете видеть на месте нашего победителя безжалостного убийцу или человека, который совладал со страхом и нашел себя? Того, кто сможет обучить своих последователей состраданию, следуя заветам древних?

– Спасибо, Пару, – говорит Джов. – Это мудрые слова. Однако я хотел бы понять...

– Но как, – прерывает его спокойный, но уверенный голос, – она сможет победить, если сидит здесь, а не борется за Ключ Неба?

Это Правит, ему всего 59, но члены Линии Харатта уважают его, возможно, даже больше Джова. Он был Игроком во время прошлого фальстарта Последней Игры, одного из трех за всю историю. Печально известная Игра-Провал, начатая Линией Зеро в 1972 году. Правит в одиночку разоблачил их, но лишь после того, как погибли четыре Игрока других Линий. И тогда же, в одиночку, он уничтожил Линию Зеро – эту банду отступников. Но, что гораздо важнее, тот же Правит поклялся никогда больше не убивать, после того как выйдет из Игры. Он 23 года прожил отшельником, пока не взял в жены Уну и не стал главой семейства. В своем добровольном изгнании он изучал методы древних прорицателей, расшифровывая тайные тексты о Харатта и Будде, которые его Линия оберегала тысячелетиями.

– Правит задал верный вопрос, – говорит Джов. – Однако настало время выслушать самого Игрока.

Теперь все взоры обращены к Шари Чопре, Джамаль берет ее за руку и выпрямляется, будто готовясь к атаке.

– Старейшие, – произносит Шари, и ее голос спокоен. – Нам не нужно искать Ключ Неба.

Конечно же, на них тут же обрушивается шквал раздраженных возгласов. Шари успевает уловить только обрывки удивления, возмущения, гнева.

Но это же Последняя Игра... Что за чушь... не искать Ключ Неба... проиграем... Мы проиграем... Она обрекает нас всех... Все потеряно, надвигается тьма... что она имеет в виду... Наверное, она сумасшедшая... Она сдается... Может, ей известно... нет-нет-нет... Как может это дитя участвовать в Игре?..

– ДОВОЛЬНО! – восклицает Джов. Даже дети в соседней комнате перестают возиться. Он поднимает руку ладонью вверх, протягивает ее к Шари. – Прошу тебя, Игрок. Объясни.

– Нам не нужно искать Ключ Неба, потому что он уже у нас.

Хор возражений сменяется потрясенной тишиной.

В конце концов не выдерживает Чиппер:

– Уже у нас?

Шари опускает глаза.

– Да, дядя.

– Где? Когда ты нашла его? Ты не могла получить его раньше Ключа Земли, – говорит Елена, и тон ее по-прежнему обвиняющий.

– В определенном смысле я все-таки получила его раньше, тетушка.

– Что ты имеешь в виду, Игрок? Пожалуйста, говори яснее, – просит Правит.

– Ключ Неба – это моя малышка Элис.

Все взрослые замолкают, только Уна и Гала тихонько охают.

Голос Пару дрожит, когда он задает следующий вопрос:

– Но как ты можешь быть уверена?

– Именно об этом говорит подсказка, оставленная мне кеплером. Именно это рассказала мне Элис, по-своему.

Ей снятся сны. Мне тоже.

– Но зачем это Создателям? – спрашивает Чиппер. – Втягивать в это ребенка – бесчеловечно.

– Создатели и *не* люди, дядя, – сочувственно говорит Шари. – Вся Последняя Игра бесчеловечна. Или... аморальна.

Кто-то вздыхает.

Больше половины собравшихся в этом зале искренне верят, что кеплеры – это существа, стоящие над богами. Боги ведь – это *их*, кеплеров, дети, а люди, в некотором роде, – дети богов. Кеплеры – боги богов и для многих из присутствующих неприкосновенны.

– Я не стану слушать эту ересь! – зло восклицает Гуп. Он быстро встает со стула и выходит из комнаты. Гуп вспыльчив и медленно соображает. Никто не следует за ним. – Мне не хотелось бы конфликтов, старейшие, но я здесь единственная, кто встречался с кеплером. Обдумав увиденное и разобравшись с загадкой, которую он мне дал, я пришла к выводу, что он был... несколько равнодушен. Мягко говоря. Он явился, чтобы провозгласить начало Последней Игры и грядущее Великое Уничтожение, но говорил об этом так, будто все уже произошло. Не поймите меня неправильно: он действительно не такой, как мы, и обладает способностями, превосходящими все нам известные. Но, несмотря на это, его сообщение звучало примерно так: «Почти все люди и звери умрут. Вас двенадцать, и вы должны выяснить, кого минует эта участь. Удачи». Он вел себя как ребенок, обрывающий крылья бабочке. Ничего благородного в этом не было.

Шари делает паузу. Она ожидает нового шквала вопросов.

Но на сей раз все молчат. Тогда Шари продолжает. – Остальные Игроки разделились на два лагеря – те, кто стремится к победе любой ценой, и те, кому это чуждо. Многие из них

вели себя как сумасшедшие, как монстры, отравленные собственным тщеславием и осознанием того, что они в числе самых опасных людей на Земле. Но были и другие, кто отдавал себе отчет в собственных недостатках и мог испытывать эмоции посложнее примитивной жажды крови. За время нашей короткой встречи лишь двое показали, что не похожи на остальных, – и, к моему позору, я не из их числа.

Первым был мальчик из Аксума, темнокожий и голубоглазый: в его жилах текла кровь древних королей, и он молил нас объединить наши знания и вместе попытаться спасти Землю от предсказанной катастрофы. Второй была кури, странная женщина из Австралии, которая спасла мне жизнь в Чэнду. Но в большинстве своем Игроки... всего лишь люди. Они... мы... Мы стремимся к одной и той же цели, но плохо понимаем, что случится, если ее достичь.

Снова повисла пауза. Шари наблюдает за детьми, играющими в соседней комнате. Кое-кто из ребят постарше бросил игру и стоит в дверях, прислушиваясь к разговору взрослых.

Она продолжает:

– Елена, ты сказала, что по природе я не убийца, и ты права. Но я *уже* убивала и убью снова, если это потребуется для Игры. Только это не доставляет мне удовольствия.

Понимаешь?

Елена раздраженно фыркает. Шари пропускает это мимо ушей. – Я не стану убивать человека достойного, понимаешь?

Мальчик, которого я убила, был чудовищем. Поэтому я разломала стул на куски и вогнала деревянный кол ему в сердце.

Шари встает и смотрит на лица собравшихся в комнате, встречая взгляды всех старейших с печальной улыбкой на лице. Она видит, что многие поняли ее позицию. Джов и Пару, и Уна, Правит и Ана, и Чем. Она поворачивается к Джамалю. Тот крепко сжимает ей руку. Когда Шари снова начинает говорить, ее взгляд прикован к Джамалю:

– Я рассказываю вам об этом убийстве не ради хвастовства, – тихо произносит она, – но в качестве доказательства, что я буду бороться за свой народ. Я боролась за вас и, прежде всего, за малышку Элис. Она *действительно* Ключ Неба. Я точно знаю, остальные узнают тоже – это всего лишь вопрос времени. Они придут за ней. Мы, все мы, все, кто присутствует здесь, и все, кто принадлежит к нашей Линии, должны защищать ее. – Ты хочешь сказать, *ты* должна защищать ее, Игрок, – говорит Елена. В голосе ее звучит отчаяние и злоба.

Шари смотрит на Елену с любовью.

– Нет, тетушка. Я хочу сказать, что это должны сделать *мы*. И лично ты в том числе. Я уважаю вас всех, но, пожалуйста, прислушайтесь к моим словам. Я все обдумала. Кеплер недвусмысленно заявил, что в Последней Игре нет правил.

Я – Игрок, а до События остается меньше девяноста дней.

И, может быть, даже и меньше, если так решит кеплер. Мы должны подготовиться. Если у кеплеров хватило, – она запинаясь, подбирает слова, – жестокости, хватило цинизма сделать ребенка – *одного из наших детей* – фишкой в Великой Игре, то, по-моему, и мы можем поступать как хотим.

Я предлагаю всем отправиться в Долину Вечной Жизни и взять Ключ Неба с собой. Уведем туда свой народ. Древняя крепость – одно из самых защищенных укрытий в мире. Пусть остальные Играют, как привыкли, – охотясь, убивая, твердя самим себе: «Я лучший, я лучший, я лучший». Мы же будем ждать. Будем ждать, пока они сами не принесут нам Ключ Земли. Я заберу его и соединю с моим Ключом Неба, чтобы начать последний этап Игры. Но вы нужны мне, я хочу видеть вас рядом. *Мы* – Хараппа, *мы* защищаем свой род. *Мы* спасем свою Линию. *Мы*.

Она снова садится. Все молчат. Слышно только малышкой, играющих в соседней комнате. Шари видит, как малышка Элис проталкивается между ног и рук своих кузин и спрашивает: «Ты звала меня, мама?»

На глаза Шари наворачиваются слезы:

– Да, *meri jaan*. Иди сюда, посиди с нами.

Малышка Элис бежит через зал к матери и отцу. Она выглядит гораздо старше своих двух лет, и развита тоже не по годам. Все взгляды направлены на нее, но девочка их не замечает. Когда она залезает к Джамалю на колени, Джов говорит: – Я обдумаю твои слова, Шари. Но я хотел бы еще раз переговорить с тобой, Еленой, Пару, Правитом и Джамалем.

Мне нужно подтверждение твоих слов насчет Ключа Неба.

Шари склоняет голову:

– Да, Джовиндерпихайну.

И пока все в комнате обдумывают слова Шари, ее служанка входит в зал, от страха не поднимая головы, и дрожащим голосом произносит:

– Госпожа Чопра, пожалуйста, простите меня, но у меня очень срочное сообщение.

Шари протягивает руку:

– Подойди, Сара. Выпрямись и не бойся. В чем дело?

Сара выпрямляется и подходит ближе, шаркая пятками по полу, передает Шари листок белой бумаги.

Шари берет его и читает.

– Это от кури, – говорит Шари. – Она нашла меня. Она нашла нас.

Шари делает паузу.

– Что там написано? – спрашивает Пару.

Шари показывает записку Джамалю, который встает и уносит малышку Элис обратно в игровую, нашептывая ей на ухо разную чепуху, так что девочка хихикает и фыркает, уткнувшись носом в отцовскую шею. Подростки, стоящие в дверях, расступаются, чтобы пропустить их, и Джамаль с дочкой скрываются в соседней комнате. Подростки снова собираются вместе, не отводя глаз от Шари.

Когда ее муж и дочь оказываются достаточно далеко, она отвечает:

– В записке сказано: «Будь осторожна. Твоя малышка Элис в опасности. В смертельной опасности. Остальные придут за ней. Я не знаю почему, но я видела: древний народ показал мне это во сне. Я постараюсь остановить их. Кеплеры подсказали мне, как это сделать. Оберегай ее. Береги себя – до самого конца. Да будет этот рубеж последним – и мы победим. Двое на стороне добра. Всегда твоя, большая Э.» Джов хлопает в ладоши – будто гигант разгоняет тучи.

Больше никаких доказательств не потребуется.

893-я встреча Линии Хараппа закончена.

Пора сделать свой ход.

Они должны Играть.

Они будут сражаться.

Вместе.

Ань Лю

На борту «Неустранимого», корабля королевских ВМС, эскадренного миноносца «Тип-45», Ла-Мани, 50.124; -0,673

Допрашивавший Аня мужчина – все еще распростертый поперек его груди – молчалив и – *ХЛОП* – молчалив и – *ХЛОП* – молчалив и неподвижен, как и положено мертвецу. Ань должен освободиться – *спазмхлопхлопхлоп* – от пут и – *хлопхлоп* – и бежать.

Он закрывает глаза – хлоп – закрывает глаза и тут же видит ее.

Вспоминает запах ее – *спазм* – волос и аромат дыхания – *ХЛОП* – похожий на – *хлопхлопхлоп* – похожий на церемониальный чай.

ТИЁКОТИЁКОТИЁКОТИЁКОТАКЕДА

ТИЁКОТАКЕДА

ТИЁКО ТАКЕДА ТИЁКО ТАКЕДА ТИЁКО ТАКЕДА ТИЁКО ТАКЕДА

ТИЁКО ТАКЕДА ТИЁКО ТАКЕДА

Тик отступает ровно настолько, чтобы – *спазмспазм* – ровно настолько, чтобы...

Ань просовывает левую руку между бедром и – *хлопхлоп* – и краем металлической тележки. Выворачивает запястье так, чтобы подушечка большого пальца плотно прижалась к холодному металлу. Затем переносит свой вес на этот палец, пока не раздастся – *хлопТИЁКОхлоп* – раздастся *хряп*. Палец выходит из сустава, неуклюже повисает, будто резиновый,

вдоль ладони. Боль – *хлоп* – мучительна, но Ань не обращает на нее внимания. Он тянет, выкручивает руку, выворачивается из ремней и, наконец освободившись, толкает плечом Чарли. Тот со стуком сползает на пол. Ань здоровыми пальцами расстегивает ремень на второй руке. Теперь обе руки свободны, и он быстро вправляет вывих. Палец опух и болит, по коже расползается синяк.

Но он двигается.

За дверью взывает сигнализации. Ань стаскивает ремень с головы, садится, и вся голова, от лба до затылка, заполняется болью, словно губка – водой. Боль пульсирует в ушах, давит на глаза.

Пулевое ранение. Чарли сказал, Ань был контужен.

Но это неважно.

Ань осматривает себя. На нем футболка с V-образным вырезом и брюки на шнуровке из грубой ткани, как у арестанта или психа в сумасшедшем доме. Ань обеими руками расстегивает – *хлопТИЁКОТАКЕДАхлоп* – расстегивает ремни на лодыжках, сползает с каталки на пол рядом с Чарли, встает на колени. Ощупывает – *хлоп* – мужчину в поисках чего-нибудь полезного. Находит тканевую скатку, в которой, похоже – *хлопхлоп* – лежат шприцы. Может быть, это дополнительные дозы лекарства, которое так хорошо прочистило ему мозг. Оно заставило Аня рассказать правду. Так много правды. Он надеется, что остатки препарата в кровеносной системе на какое-то время сдержат тик.

Тогда он сможет – *хлопхлоп* – сможет сбежать.

Ань срывает с Чарли пиджак и накидывает на плечи. Обыскав Чарли, находит пистолет, спрятанный в кобуре под мышкой. «Глок-17». Глупые самоуверенные – *хлоп* – вояки. Берут с собой оружие в комнату, где – *хлопхлопСПАЗМ* – где заперт Игрок Последней Игры. Это равноценно самоубийству.

Ань вытаскивает пистолет. Снимает с предохранителя. Зажмуривается. Старается отвлечься от боли и – *хлоп* – боли и – *СПАЗМ* – боли и – *хлоп* – образа...

ТИЁКОТИЁКОТИЁКОТАКЕДА

Размозженного мертвого тела Тиёко Такеды.

Ее имя теперь принадлежит ему.

Теперь оно – внутри него.

Оно – его.

Ань слышит скрип. *СПАЗМ*. Нет, это не корабль борется с волнами. *Хлоп*. Он поднимает взгляд.

Колесо на стальной овальной переборке крутится.

– Тиёко, – произносит он вслух.

Он делает вдох – и выдох, вдох – и выдох.

– Тиёко.

Шторм внутри него – *хлопхлоп* – чуть-чуть стихает.

Пора идти.

Ань закатывает рукава пиджака, снятого с Чарли. Теперь он готов. Колесо на двери перестает крутиться и сдвигается вовнутрь. Двое мужчин с винтовками наизготовку проскальзывают в открывшийся проход.

Бах-бах. Ань стреляет из «Глока» с бедра, попадая обоим солдатам в лицо, прямо между глаз. Они падают на пол, один на другого.

Ань движется. *СПАЗМхлопСПАЗМ*. Двигается быстро.

Через открытую дверь сигнализация слышна еще лучше. Она отдается от металлических стен, раскатывается по всему коридору, заполняет его уши, усиливает боль, но все это не имеет значения. Ань умеет справляться с болью лучше любого другого Игрока.

Он подбирается к двум убитым. *СПАЗМХЛОП*. Опускается на четвереньки, обыскивает их. Винтовки придавлены телами к полу. Из коридора доносятся еще голоса. Мужские голоса – раздраженные, испуганные, полные желания действовать. Но до них еще по меньшей мере 10 метров. Приближаются осторожно. Босыми ногами Ань ощущает вибрацию двигателей и задумывается, где же корма.

Слева.

Туда он и пойдет. Надо выбраться в кормовую часть корабля.

Голоса приближаются.

ТИЁКОТАКЕДА. Он отстегивает две гранаты М67 от одного из тел. Отчаянно шарит по нему в надежде найти больше этих прекрасных бомбочек, но больше – *СПАЗМ* – больше нет. Ань цепляет «Глок» за пояс штанов и поднимается, держа по круглой гранате в каждой руке. Зубами срывает на каждой проволочные предохранители. Встает на податливые человеческие тела и ждет.

ТИЁКОТИЁКО.

«Ты играешь на стороне смерти, – сказала она ему. – А я играю за жизнь».

СПАЗМхлопхлопСПАЗМ.

«Почему? – с тоской думает Ань. – Почему ее у меня отняли?»

ХЛОПХЛОПХЛОПХЛОПХЛОП.

Он до крови закусывает нижнюю губу.

– Тиёко, – тихо произносит он.

Голоса все ближе. Теперь он уже различает фразы. «Вооружен и опасен». «Стрелять по готовности». «Огонь на поражение». Ань улыбается. Он слышит даже, как ударяют резиновые подошвы их ботинок по металлу коридора.

Я играю на стороне смерти.

Он отпускает рычаг на первой гранате. Ань точно знает, сколько – *ХЛОП* – сколько у него времени. Четыре секунды.

Выжидает 1,2, выбрасывает гранату за дверь.

Прижимается к стене, затыкает уши – оставшаяся граната плотно прижата к щеке, – стискивает зубы, старается забыть о боли в голове.

Глаз не закрывает.

СПАЗМСПАЗМ.

Металлическая сфера весом 400 грамм и диаметром 6 сантиметров беззвучно описывает в воздухе правильную дугу. Четверо мужчин как раз занимают свои позиции, когда она начинает снижаться. Они ее не видят. Коснувшись пола, граната взрывается в тот же миг – прямо у ног солдат.

Ударная волна прокатывается по кораблю. Грохот оглушающий. Ань убирает пальцы от ушей. Перекладывает вторую гранату в левую руку, достает – *хлопСПАЗМСПАЗМхлоп* – достает «Глок».

До его слуха доносятся новые звуки.

Человек кричит. *Хлоп*. Шипит перебитый паропровод. *Хлоп*. Сигнализация продолжает завывать, но сейчас из-за грохота взрыва она кажется уже не такой громкой.

Хлоп.

Ань высовывает руку в проход, наполовину уверенный в том, что ее сейчас прострелят. Но ничего не происходит. Он выглядывает в – *спазмХЛОПспазм* – в коридор. Сначала проверяет правую сторону, где взорвалась граната, потом левую – *хлопхлоп* – и еще раз правую. Видит двух мертвецов, а под ними еще одного – живого: ему оторвало руку, он пытается двигаться и тихо стонет. Паропровод над ними шипит, выбрасывая в воздух струйку белого пара.

ТИЁКО.

Ань выходит в коридор, вытягивает правую руку, стреляет.
Стоны прекращаются.

Немного жестокости, просто чтобы прочистить голову.

Немного смерти.

Он направляется к корме. Пол холодный. Корабль ритмично раскачивается. Воздух теплый и становится еще теплее по мере приближения к двигателям. На протяжении 5 метров коридор идет прямо, по обе стороны чередой закрытых дверей, потом поворачивает направо. Впереди можно различить звуки. Шаги, пощелкивание и потрескивание металлических деталей. Впереди мужчины, но они не разговаривают. Те, кто встретил его у выхода из каюты, были любителями. Эти – профессионалы.

Эти из – *хлопхлоп* – из частей особого назначения. Ань делает восемь быстрых шагов – босые ноги ступают беззвучно – и останавливается у поворота направо.

ХлопТИЁКОспазмХЛОП. Ань догадался, что мужчины собрались за углом, у дальнего конца коридора. Они ждут его.

ХЛОПСПАЗМ.

Они отключают освещение.

Теперь в коридоре – крошечная темнота. Они вырубили свет, потому что у них есть приборы ночного видения, а у него нет. Но это не имеет значения.

ХЛОПСПАЗМХЛОПХЛОП

Ань отпускает рычаг своей гранаты. Отсчитывает одну секунду и кидает со всего размаха – так, чтобы снаряд отлетел от стены и упал на пол за пределами видимости спецназовцев.

– ГРАНАТА! – два быстрых выстрела, которыми они пытаются вывести ее из строя: пули рикошетят от металла с противным *дзинь*. Ань бросается обратно в коридор, туда, откуда пришел, затыкает уши в ожидании второго взрыва.

Этот взрыв – еще сильнее первого. Ань отводит руки от ушей еще до того, как по коридору перестало перекатываться эхо. У него не больше трех минут, прежде чем эффект внезапности перестанет на него работать. Через три минуты его перестанут пытаться ликвидировать, а просто потопят корабль, что сделает невозможной *хлоп* невозможной *хлоп* невозможной любую попытку побега, даже если он решится прыгнуть за борт в надежде выжить в воде, – план, далекий от идеального.

ХЛОПспазмспазмТИЁКОхлоп.

Пора.

Он поднимает «Глок» и огибает угол так быстро, как только может. Бежит прямо в темноту, стреляя наугад.

Двенадцать пуль. Судя по звуку, три нашли свою мишень. Ответного огня нет. Ань пробегает 5,4 метра, скользит, словно полузащитник, который пытается отобрать мяч у форварда. Вытягивается, чтобы ощупать помеху – голова. Одна только голова.

ХЛОПХЛОПСПАЗМ.

Темнота впереди кажется не такой густой, вокруг поднимаются клубы дыма от гранаты – выше и выше. Ань понимает, что добрался до грузового отсека.

Снова стоны. И, кроме них, скребущий звук.

Ань поднимает голову, о которую споткнулся, и – *хлоп* – и – *хлоп* – и – *хлоп* – и нащупывает прибор ночного видения. Снимает его. Надевая визор, Ань впервые осознает, что его голова *хлопСПАЗМхлоп* перевязана бинтами. Затягивает крепления прибора, и они сдавливают – *хлопхлопхлоп* – сдавливают – *хлопхлопхлоп* – сдавливают отек над глазами и задевают свежие швы на лбу и линии роста волос. Ань вздрагивает и подавляет крик. Теперь очки на месте, но они не работают.

– У кого есть «глаза»? – шепчет кто-то на другом конце отсека, но звук эхом разлетается по всему пространству.

Он не один.

– Почти наладил, – отвечает второй голос, на этот раз ближе. – Ну ЖЕ!

Говорящий всего в нескольких футах от Аня. *СПАЗМхлопСПАЗМ*. Ань видит неяркое зеленоватое свечение включенного визора солдата рядом с собой. Всего в трех метрах.

– Вижу его! – кричит он.

Но не стреляет. Наверное, обронил винтовку при взрыве.

Зеленый призрачный свет обрамляет его лицо, выхватывая из темноты неряшливую бороду, оскаленные зубы; солдат бросается на Аня, но тот пригибается к полу, поднимает пистолет и стреляет.

Солдат падает возле него. Мертвым. Нож вонзается в пол совсем рядом с ухом Аня.

ХЛОПХЛОПспазмХЛОПспазм.

Очень близко.

Ань отталкивает тело – *спазм* – и снова ощупывает визор – *хлоп* – и находит кнопку включения.

Комната перед глазами становится зеленой.

Это действительно грузовой отсек.

Выстрел из дальнего конца отсека – пуля проходит меньше чем в метре от Аня. Он различает высокую – *хлопхлоп* – высокую фигуру мужчины с винтовкой наизготовку. Прибора ночного видения у того нет. Стреляет наугад. Ориентируется по шуму. Ань поднимает «Глок», некоторое время целится, стреляет. Пуля походит сквозь поднятую руку мужчины и вонзается в правый глаз. Мужчина падает.

Ань вынимает у мертвеца из руки нож и внимательно изучает. *Хлопхлоп*. У оружия 30-сантиметровое прямое лезвие с одним режущим краем без насечек. *Спазм*. Больше похоже на маленький меч, чем на штурмовой нож. Возможно, личная вещь этого солдата, его любимое оружие. Автограф.

Был.

ХЛОПХЛОПСПАЗМСПАЗМХЛОП

Ань встряхивается, бежит через грузовой отсек, шепчет: «Тиёко Такеда Тиёко Такеда Тиёко Такеда». Он пригибается и виляет из стороны в сторону, но предосторожность оказывается излишней – никто в него не стреляет. Ему это кажется – *хлопхлоп* – кажется странным. Это большой корабль, скорее всего эскадренный миноносец «Тип-45», тут нужна команда не меньше 100 моряков. По его подсчетам, убито всего 17. Значит, придут еще.

Или остальная команда просто не знает об Ане. Не в курсе, что происходит на нижней палубе. Может, Ань – секретный груз. Он обегает вокруг устройства-амфибии и двух грузовых тележек, стопки груза – *хлопспазмспазмхлопхлоп* – стопки груза на которых упакованы в пластик и нейлоновую сетку.

В трех метрах от него – открытый дверной проем, за ним лестница ведет вверх, выше и выше.

На миноносце «Тип-45» должна быть – *хлоп* – должна быть – *хлоп* – должна быть вертолетная площадка. Может, там будет «Мерлин МК-1» или «Линкс МК-8».

Ань налетал 278 часов на симуляторе «Мерлина» и 944 – на симуляторе «Линкса», не считая 28 часов на настоящем вертолете.

Так что он спешит к двери.

Хлопхлопхлопхлопхлоп

Он добирается до узкой лестницы и бежит по ней вверх.

Одна палуба.

Вверх. Две.

Вверх.

Три.

Чем выше он поднимается, тем холоднее воздух, тем острее в нем чувствуется – *хлопхлопхлоп* – соленая сладость моря, но главное – *СПАЗМ* – главное – *СПАЗМ* – главное, Ань начинает различать *вуп-вуп-вуп* разгоняющихся лопастей вертолетного винта.

Спасибо, силы особого назначения.

ХЛОПХЛОП.

Сейчас Ань всего в нескольких шагах от двери, ведущей к вертолетной площадке. Дверь открыта. Ань чувствует вибрацию двигателей корабля, как будто эта металлическая коробка, начиненная электроникой и оружием, дрожит от волнения. Порыв ветра, поднятого набирающими обороты лопастями вертолета, касается его лица, вынуждая запахнуть полы пиджака Чарли. Ань видит полную луну, небо, чистое и посверкивающее звездами из безграничного простора.

ХлопСПАЗМхлоп.

«Тиёко понравилась бы сегодняшняя ночь, – думает Ань. – Она увидела бы красоту там, где я не вижу».

Ань сдергивает с головы визор, крепления которого разрывают бинты и пару швов.

Нужно добраться до вертолета.

Он преодолевает последнюю – *ХЛОП* – последнюю ступеньку и видит его – «Линкс МК-8», как он и надеялся. Прямо впереди – кокпит, сразу за ним корма корабля, дальше – только черная морская вода. На горизонте перемигиваются огоньки.

Значит, там, вдалеке, город. Ань поднимает глаза к небу. Видит Кассиопею в нескольких градусах над землей. Позволяет себе задуматься, не смотрят ли – *СПАЗМХЛОПСПАЗМ* – не смотрят ли кеплеры на него прямо сейчас, и если да, одобряют ли его план.

ХЛОПСПАЗМХЛОП.

Ему хочется убить их всех за то, что они сделали с Тиёко.

Развеять по всей бесконечности пространства и времени.

Всех их. *хлопСПАЗМхлопСПАЗМСПАЗМХЛОП.*

Ань подходит к дверному проему. Огни вертолета выключены. Пилот собирается взлетать – *хлоп* – собирается взлетать – *хлоп* – собирается взлетать в темноте.

Сейчас или никогда.

20-миллиметровый пулемет «Линкса» нацелен на тот открытый отрезок палубы, который Аню предстоит пересечь. Остается надеяться, что стрелок на вертолете не станет нарушать протокол и открывать огонь до взлета.

Ань бросается вперед, паля из «Глока» по кабине пилота, но пули отскакивают от нее, попадают в лопасти.

На расстоянии в два метра он перестает стрелять, оставив в обойме три резервные пули. Вертолет медленно отрывается от палубы. Ань хватается – *хлопСПАЗМхлоп* – за боковую дверцу как раз в тот момент, когда она начинает закрываться. Стреляет. Второй пилот падает в грузовой отсек, шлем срывает с разможенной выстрелом головы. Ань выдыхает, подпрыгивает, протискивается внутрь. *СПАЗМ.* Пилот оборачивается в кресле, поднимает браунинг на уровень плеча, но Ань выпускает две оставшиеся пули и пилот валится набок.

ХЛОПХЛОП.

Вертолет кренится: мертвое тело пилота продолжает давить на штурвал.

Ань выбрасывает пистолет и перемахивает через длинный металлический ящик с каким-то грузом, запрыгивая в кресло второго пилота.

Когда он прикасается к ящику, его охватывает странное чувство.

Чувство покоя и умиротворения.

Хиляль ибн Иса Ас-Салът, Эбен ибн Мохаммед Аль-Джулан

Северная Эфиопия, Аксумское царство, Церковь Завета

Многие эфиопы, эритрейцы, сомалийцы, джибути и суданцы верят, что Ковчег Завета хранится в кубическом бетонном здании в эфиопском городе Аксум, неподалеку от эритрейской границы. Здание это окружено высоким железным забором и увенчано небольшим куполом в исламском стиле; называется оно Часовней Скрижали при церкви Марии Сионской. Реликвию охраняет один монах. Любой может увидеть эту часовню, и ни для кого не секрет, что находится внутри.

Все ошибаются.

Эбен ибн Мохаммед аль-Джулан понятия не имеет, что держат в Часовне вместо Ковчега. И это не значит, что ему не хватает влияния, чтобы узнать, – ему попросту все равно.

Потому что он знает, где Ковчег на самом деле.

Все посвященные Линии аксумитов знают это и хранят свое знание тысячелетиями.

Они знают, потому что Создатели провозгласили их Хранителями Ковчега.

Они берегли его с судьбоносного 597 года до н. э., когда вавилоняне разрушили Иерусалим, уничтожив храм Соломона. Это случилось под покровом ночи на 30-й день шевата.

Орда Навуходоносора II (а тот был воплощением Эа Оскверненного) подошла уже совсем близко: до храма им оставалось меньше двух миль. С приближением врага Эбenezер Абинадаб и еще трое Хранителей покрыли Ковчег синим льном, ухватились за шесты из акации и подняли. Он весил 358,13 фунта – как и всегда с того часа, когда Моисей и Аарон завершили его строительство и тот из Создателей, который говорил с Моисеем на горе Синай, поместил внутрь свои скрижали.

Эбenezер и Хранители вышли из Храма, установили Ковчег в закрытую повозку, запряженную чернильно-черным быком с золочеными рогами, и отправились на восток через пустыню, из Синая в Райфу, где бык был заколот, а его мясо засолено, Ковчег же перенесли на небольшую деревянную галеру, уходившую дальше, на юг Красного моря. Его выгрузили в Галилее. Четверо Хранителей, никогда не поднимавших головы, но гнувших спины ради Ковчеза, к которому им запрещено было прикасаться руками (подобное поругание каралось немедленной смертью), несли его на шестах много недель, пешком преодолевая мили и мили. Они двигались только по ночам и избегали любого контакта с людьми. Людей они избегали из добрых побуждений, опасаясь за их жизни.

Ибо любой человек – мужчина или женщина, ребенок или старик, – увидевший этот священный караван с самым ценным в мире грузом, должен был немедленно ослепнуть и лишиться рассудка, и с этого момента пребывал в жалком безумии. Эбenezер видел такое 7 раз на протяжении их путешествия, занявшего 136 дней, записывая каждый случай в свой дневник, – и каждый новый случай был ужаснее предыдущего. В конце концов Эбenezер и его спутники достигли места назначения на территории современной Северной Эфиопии. Они поместили Ковчег на прочную опору из кедра, собрали вокруг Скинию, укрыв сокровище от любопытных глаз, и призвали своих братьев по вере. Тех, кто принадлежал к Линии. Неподкупное братство аксумитов, которое состояло из бывших Игроков – тех, кто все еще оставался в живых, – и Игрока нынешнего, четырнадцатилетнего мальчика по имени Хаба Шилох Галеад.

Подземные святилища были уже построены, но пока не стали церквями: Создатели распорядились подготовить их тысячелетия назад, когда Линия Аксума была только избрана для участия в Последней Игре. Ковчег спустили на девять уровней вниз, в самую глубокую и секретную камеру.

Эта камера – Кодеш ха-Кодашим.

Как только Ковчег занял свое место, вход в Кодеш ха-Кодашим был запечатан: Хаба собственноручно заложил дверной проем булыжниками, грязью и мерцающими камнями, так что последние 2 600 лет единственным путем в камеру оставался узкий лаз, сквозь который можно было пробраться только ползком, помогая себе локтями.

Именно там, в подземном лазе, и находился сейчас Эбен ибн Мохаммед аль-Джулан. Он полз по старому тоннелю на стертых локтях – прямо к Ковчезу.

Полз туда, чтобы сделать то, чего никто и никогда не делал за всю историю истории.

Он ползет и думает о Хиляле. Игроку больше не колют морфин, он ходит и даже говорит, хотя последнее причиняет ему страшную боль. Эбен оставил его в комнате, сидящим на стуле, изучающим себя в зеркало. Увечья стали для Хиляля поводом для странной гордости. Раньше Эбен не замечал у Хиляля этой черты. Несмотря на свою прежнюю бесспорную красоту, тщеславным он не был. Но теперь Игрок не может отвести взгляда от своего лица; особенно его привлекает красный глаз с белым зрачком.

– Этим глазом я вижу мир иначе, – заявил Хиляль незадолго до того, как Эбен оставил его. Голос у Игрока теперь сиплый, будто горло забито пеплом.

– Как? – спрашивает Эбен.

– Теперь мир кажется... темнее.

– Он и правда темнее, мой Игрок.

– Да. Ты прав. – Наконец Хиляль отводит взгляд от своего отражения, и теперь его красный глаз направлен на Эбена. – Когда я снова вступлю в Игру, учитель?

Эбен отчаялся отучить Хиляля называть его учителем.

Старые привычки живучи.

– Скоро. Ты был прав насчет События. Его можно было предотвратить. Более того, теперь мы знаем, что кеплеры вмешиваются в ход Игры.

– Они не должны, – с горечью отвечает Хиляль.

– Не должны.

– И что нам делать?

– Ты продолжишь Играть, но сначала я проверю, нельзя ли нам получить преимущество. Возможно, тебе удастся сдержать кеплеров и сделать что-то, что поможет договориться с остальными.

– Ты хочешь открыть Ковчег.

– Да, Игрок. Я вернусь. Отдохни. Скоро тебе понадобятся все твои силы.

– Да, учитель.

И Эбен ушел.

Это было 27 минут назад.

Сейчас до конца тоннеля оставалось 5 метров.

Четыре.

Три.

Два.

Один.

Тук-тук.

Тяжелая дверца распаивается, и Эбен протискивается внутрь, как он делал уже сотни раз, неуклюже вползая в камеру. Не самый достойный способ войти в Кодеш ха-Кодашим.

Как и Ковчег, хранилищем которого он стал, Кодеш ха-Кодашим имеет строго выверенные размеры. 30 футов в длину, 10 футов в высоту и 10 футов в ширину. Каждый угол комнаты – там, где стены встречаются с полом или потолком – составляет в точности 90 градусов. Земляные стены покрыты толстыми свинцовыми панелями, поверхность которых отделана полосками серебра и золота разной длины. Комната освещена автономным вечным светильником, подарком Создателей: он имеет форму перевернутого зонтика, свисающего из центра потолка, и дает ровный, розоватый свет силой в 814 люменов. Две трети длинной стены покрывает красно-синий занавес. Он скрывает Ковчег Завета с Создателями, отгораживая для него пространство размерами 10х10х10 футов.

Дверцу открыл один из двух нефинеев. Другой протягивает руку, чтобы помочь Эбену подняться.

– Не нужно, брат, благодарю, – отказывается он, выпрямляясь, и приветствует их по именам: – Сам-Эль, Итамар.

Эти двое едва перешагнули тридцатилетний рубеж. Итамар – бывший Игрок, Сам-Эль – учитель промышленной химии и боев на палках в стиле племени сурма.

– Учитель аль-Джулан, – хором отзываются они. Эбен поднимает руку и делает то, чего никогда не делал: поворачивается, закрывает за собой дверцу лаза и запирает ее на замок.

Потом оборачивается к нефинеем.

– Время пришло? – спрашивает Сам-Эль дрожащим голосом.

– Да, брат. Эта честь выпала вам двоим.

Глаза Итамара расширяются, плечи Сам-Эля содрогаются. Оба выглядят так, будто вот-вот упадут в обморок от страха.

Но Эбен знает, в чем дело.

Открыть Ковчег – огромная честь для нефинеев. Величайшая честь.

Итамар, нарушая все правила, хватаят Эбена за руку и сжимает, как ребенок.

– Неужели именно нам так повезло? – спрашивает Сам-Эль.

– Да, брат.

– И мы увидим то, что в последний раз видел сам Моисей? – Это Итамар. – Прикоснемся к тому, что имел право трогать только он?

– Если Ковчег это позволит – да. Но вы знаете, как велик риск, братья.

Риск.

Аксумиты хорошо знали эту историю – и не только ее. Знают о том, как открытый Ковчег беспощадно поразит даже самых преданных верующих – и настигнет каждого. Как он призывает на Землю адский огонь, эпидемии и бесчисленные смерти. Реки крови потекут под огненным небом, и самый воздух станет ядом, если Ковчег откроют не его Создателя.

Сила, заключенная внутри, принадлежит Богу и только ему одному.

Уже нет.

«Будь проклят Бог», – думает Эбен.

– Мы готовы, учитель, – говорит Сам-Эль.

– Хорошо, брат мой. Когда Линия Аксума переживет конец Конца, вас причислят к величайшим героям. Вас обоих. Он смотрит обоим в глаза, обнимает их, целует, улыбается и помогает подготовиться.

Нефинеи отвязывают и снимают инкрустированные нагрудники. Итамар вешает свой на гвоздь, Эбен берет нагрудник Сам-Эля и надевает через голову. Тот ложится ему на грудь: квадрат из 12 деревянных блоков, соединенных между собой железными бляшками, в центре каждой из которых сияет цветной овалый камень; все они разные.

Нагрудник Аарона.

Сам-Эль прочно закрепляет его.

Этот нагрудник и вера Эбена станут сейчас единственной защитой.

Итамар переливает святую воду из кувшина в деревянную чашу и преклоняет колени. Сам-Эль опускается рядом с ним. Они по очереди омывают руки, плечи и лица, розоватый свет причудливо отражается от их влажной темной кожи. У Эбена уже кружится голова. Он завидует этим двоим, даже несмотря на то, что их жизнь закончится этим жертвоприношением.

Нет, *потому*, что их жизнь закончится этим жертвоприношением.

Они снимают свои одежды и вешают на крюки в стене, а потом стоят, обнаженные, в ожидании.

Эбен обнимает и целует каждого еще раз – последний. Двое мужчин встают лицом друг к другу и начинают бить себя по бедрам, пока те не становятся красными. Закончив с этим, они бьют себя по животу и груди. Хватают друг друга за плечи и выкрикивают друг другу в лицо имена своих отцов, и отцов их отцов, и отцов отцов их отцов. Они обращаются к Моисею, Иисусу, Мохаммеду и Будде и просят у них прощения.

Эбен просит того же для этих двух благословенных. Наконец, не глядя на Эбена, Сам-Эль и Итамар улыбаются и направляются к занавесу. Они идут, держась за руки. Эбен отворачивается, отходит к дверце, прижимается к ней коленями, закрывает глаза, затыкает уши и ждет.

Крики начинаются через одну минуту и 16 секунд. Но это не крики радости или воодушевления. Эти вопли ужасают. Двое крепких мужчин – самых сильных во всей Линии – кричат, как младенцы, которых отрывают от груди матери дикие звери.

Семнадцать секунд спустя воздух за спиной Эбена становится горячим. Занавес хлопает, будто парус на сильном ветру. Крики продолжаются, отчаянные, разрывающие душу, молящие, предсмертные.

Потом комнату озаряет свет, настолько яркий, что даже сквозь веки чувствуется его оранжевое сияние, как от прямого солнца. Эбена вжимает в стену могучим порывом ветра. Нос впечатывается прямо в металлическую пластину; та раскалилась, как печь, и Эбен чувствует запах собственной паленой плоти и слышит стук сердца, быстрый как никогда, как если бы оно пыталось вырваться из груди, – видно, он тоже погибнет. А крики не прекращаются, сшивая воедино детали этой ужасной картины раскаленной иглой.

Темноту и воздух будто вытягивает из комнаты в другое пространство. Позвякивают металлические кольца занавеса. Внезапно становится очень холодно. Эбен, который все еще не может открыть глаза, из которых текут, замерзая на щеках, слезы, вынужден сделать шаг назад, чтобы удержаться на ногах, затем еще один. Его одежду тянет в сторону Ковчега так сильно, что ему кажется, будто она сорвется с тела или раскроется, как крылья, и потащит его за собой в воющую воронку. Через три полные минуты и 49 секунд с того момента, как это началось, наступает тишина.

Спокойствие.

Эбен отнимает руки от ушей. Они в поту, пальцы не гнутся, как будто он изо всех сил цеплялся за что-то многие часы подряд. Он пытается открыть глаза, но что-то мешает ему. Пальцами он раздирает корку изо льда и пожелтевших замерзших слез.

Моргает. Теперь он может видеть.

Он щелкает пальцами. Он может слышать.

Переступает с ноги на ногу. Он может чувствовать.

Комната по-прежнему озарена розоватым светом. Эбен смотрит на сияющую стену в нескольких сантиметрах от лица – те же полосы серебра и золота. Ничего не изменилось. Точно так же, как и раньше, в них искаженно отражается он сам.

Он делает глубокий вдох.

Дышит и дышит.

Вдыхает, задерживает дыхание и выдыхает.

Комната совершенно не пострадала. Лампа, свисающая с потолка на тонком шесте. Низкий золотой столик с чашей и кувшином по правую руку. Одежды на вбитых в стену крюках.

Там же – инкрустированный нагрудник, который носил Итамар.

Занавес тоже на своем месте – ровный, яркий и чистый.

– Сам-Эль? Итамар? – зовет Эбен.

Никакого ответа.

Он делает шаг вперед.

Он доходит до занавеса.

Раздвигает его кончиками пальцев.

Закрывает глаза, раздвигает еще больше и входит.

Открывает глаза.

И вот он. Ковчег Завета, золотой, два с половиной локтя в длину, полтора локтя в высоту и полтора локтя в ширину, капорет снят и прислонен к стене, херувимы на крышке смотрят друг на друга с вечным упреком.

Единственное доказательство того, что Сам-Эль и Итамар были здесь, – две горстки пепла на полу на расстоянии примерно двух метров друг от друга.

Эбен встает на цыпочки и пытается заглянуть через край Ковчега на дно.

Но ничего не видит.

Тогда он подходит совсем близко.

Внутри – керамическая урна в оплетке из медной проволоки. Каменная табличка без надписей. Полоска черного шелка, сдвинутая в угол.

А в самом центре Ковчега извиваются, свернувшись восьмеркой, две черные кобры: живые, сильные, кусающие друг друга за хвосты.

Эбен протягивает руку и прикасается к краю Ковчега.

Его не убило, не ослепило, и он все еще в своем уме.

Тогда он упирается коленями в край и хватает змей обеими руками. Как только его плоть касается их кожи, змеи затвердевают и выпрямляются, превращаясь в деревянные посохи метровой длины с металлическими наконечниками в виде змеиных голов и золотыми шипами внизу.

Жезл Аарона.

Жезл Моисея.

Эбен затыкает один за пояс.

Другой держит в руке.

Опускается на колени, чтобы дотянуться до таблички, и переворачивает ее.

Она пустая с обеих сторон.

Эбен фыркает, чувствуя, как сжимается сердце. Вот он – Завет Создателей.

Пустая каменная табличка.

Будь они прокляты.

Открывать урну он опасается: наверняка это она – источник манны. Аксумиты будут ее охранять: владение источником, который сможет производить пищу после События, станет существенным преимуществом, если, конечно, разобраться, как он работает, но пока в этом нет нужды.

Остается только сморщенный кусочек шелка.

Эбен отодвигает его в сторону концом посоха и видит... вот оно.

Он наклоняется и подбирает находку. Вертит в руке.

Ощупывает.

С недоверием качает головой.

Тук-тук.

Кто-то стучит в дверцу.

Эбен разворачивается и пересекает Кодеш ха-Кодашим. Отпирает замок, чтобы человек по ту сторону смог открыть дверцу.

Хиляль просовывает в отверстие изуродованную голову.

– Ну что, учитель? Я не мог просто сидеть и ждать.

– Ты мне не поверишь.

– Он открыт?

– Да.

– Кто это сделал?

– Сам-Эль и Итамар.

– Они выжили?

– Нет.

– Бог забрал их.

– Да, мой Игрок. Бог забрал их.

– И что было внутри?

– Это, – говорит Эбен, показывая ему змеевидные посохи. – Они – живое оружие. Жезл Аарона и жезл Моисея, змеи поедающие, первые создатели, Уроборос. Символы нашей чистоты, символы охотников на Эа. Даже если наша Линия никогда не найдет Оскверненного, эти посохи сослужат хорошую службу в Последней Игре.

– Что там было еще? Завет?

– Нет никакого Завета, Игрок. Скрижаль пуста.

Хиляль отводит глаза.

– Было ли там что-то еще, учитель? – стиснув зубы, спрашивает он.

– Да, Игрок. И ты не поверишь что.

Эбен протягивает свою находку, и Хиляль осматривает ее. Это тонкая коробка из черного металла, размером с большой смартфон, слегка изогнутая и с отметкой в одном из углов. Эбен передает ее Хилялю – как только Игрок 144-й Линии прикасается к коробке, та начинает светиться.

Хиляль смотрит на Эбена.

Эбен смотрит на Хиляля.

– Пора вступить в Последнюю Игру, мой Игрок.

– В Последнюю Игру, учитель.

Ань Лю

Над Ла-Маншем, курс 0° 12' 56''

Спазм.

Он свободен.

Но где именно он находится, пока неясно.

Ань осматривает пульт управления «Линксом», находит панель навигации и механизм включения автопилота. Нажимает несколько кнопок на сенсорном экране и видит перед собой Ла-Манш. Огни на севере – Дувр. Но возвращаться в Англию он не хочет. Ни за что, ни за что – хлопСПАЗМхлоп – ни за – хлопСПАЗМ – что – хлопхлопСПАЗМХЛОПХЛОПХЛОП – ни за что.

Ань бьет себя по щекам, чтобы усмирить тик.

Как ни странно, это срабатывает. «Тиёко Такеда, – шепчет он. – Тиёко Такеда».

Из носа капает кровь.

Спазм.

Он с силой выдыхает воздух. Адреналин постепенно выжигается. Зато нарастает головная боль, словно пропитавшая каждый кубический сантиметр его черепа. Ань кладет руки на штурвал. «Линкс» послушно описывает полукруг над водой и ложится на курс 202° 13' 35''. Еще раз пролетает мимо горящего миноносца – на этот раз в трех километрах

к востоку. Ань надеется, что его не заметят, что пушки все еще не готовы, а еще лучше – что все слишком заняты пожаром, чтобы отвлекаться на стрельбу.

На панели управления обнаруживается сектор, который ему незнаком, зато прекрасно объясняет, как и почему вертолет взлетал без прожекторов и габаритов. А также – почему его до сих пор не сбила парочка F/A-18.

Он взлетал в темноте, потому что мог.

Странная панель – это система маскировки, и она уже включена.

На этой «птичке» Ань сможет исчезнуть абсолютно незаметно.

Хлоп. Спазм.

Почему маскировка включена? Если бы он летел на «Линксе» как пленник, это имело бы смысл: он – Игрок Последней игры, один из самых опасных людей на планете. Но вертолет начал готовиться ко взлету еще до того, как Ань выбрался на летную палубу.

Так зачем было взлетать тайно?

Хлоп. Спазм. Хлоп.

И тут он дергается вперед, как будто кто-то ударил его сзади по шее.

Металлический ящик в грузовом отсеке.

Металлический ящик размером с гроб.

ТИЁКО ТАКЕДА.

Ань поднимает вертолет на 50 метров над водой – безопасная дистанция между ним и волнами – и включает автопилот и вводит новые координаты в навигационную систему – 140° 22' 07”.

Выбирается из кресла второго пилота и оказывается прямо перед ящиком.

Спазм.

Еще шаг – и можно положить руки на крышку.

Ему даже не нужно открывать ее, чтобы понять.

Он обнимает ящик, ухом и щекой прижимаясь к холодному металлу, обвивая руками стенки.

– Тиёко Такеда.

Тик унимается.

Ань встает, и шум в кабине вертолета тут же охватывает его со всех сторон. Боль ввинчивается в голову все глубже. Он подцепляет пальцами крышку. Она поддается даже легче, чем он ожидал. Отбрасывает в сторону и заглядывает внутрь. В слабом свете кабины в ящике угадываются только неровные очертания мешка для перевозки трупов, наглухо застегнутого.

Рядом лежит маленький вещмешок.

Ань снимает фонарик с зарядки у двери и включает его. Мешок выглядит так, будто в нем лежит широкоплечий ребенок.

Сначала Ань тянется к вещмешку. Ослабляет ремной узел и роется внутри. Черные цифровые часы, кожаная скрутка с сюрикенами, маленький нож, комок черного шелка, футляр для очков, несколько бумажных трубочек, напоминающих коктейльные соломинки, каждая в дюйм длиной, небольшой пластиковый контейнер. Флэшка. Ручка. Тонкий кожаный бумажник.

Вещи Тиёко.

Он закрывает вещмешок и ставит его рядом с собой.

Теперь пластиковый мешок.

Ань делает глубокий вдох и подцепляет пальцем «собачку» на молнии, расстегивая ее на 43 сантиметра. Фонарик соскальзывает и падает в ящик. Лучи выхватывают из темноты лицо Тиёко Такеды. Один безжизненный глаз открыт, большой черный зрачок смотрит в никуда. Ань протягивает руку и опускает ее веко. Ее кожа очень бледная, просвечивает голубым. На правой щеке расплзлась пурпурная сетка капилляров, их неровные линии

переплетаются в причудливый узор. Губы девушки слегка приоткрыты, и они того же цвета, что и море. Ань смотрит в узкую щель между ними и видит темноту и тонкую полоску ее передних резцов. Волосы остались прежними – темные и прямые, они расчесаны и заколоты так, чтобы не падали на лицо. Он касается руками ее щек, шеи, ключиц, плеч, скрытых под светло-зеленой больничной одеждой.

Ань всхлипывает.

Силы оставляют его, и он падает на ящик, лицом к лицу с мертвой девушкой: лунный свет струится сквозь иллюминаторы замаскированного вертолета, летящего на юго-юго-запад в Нормандию, а его пилот пытается сморгнуть слезы, и сквозь мокрые ресницы ему чудится, что черное кружево окутывает его и ее, их обоих.

Он просовывает руки под пакет и приподнимает тело.

Заключает его в объятия.

– Тиёко, – произносит он.

Навигатор на панели управления пищит.

Ань целует голубые губы Тиёко, ее веки, маленькую ямочку на стыке надбровных дуг и носа, вдыхает запах ее волос – они еще пахнут жизнью, в отличие от ее останков, – и быстро возвращается в кресло второго пилота. Сжимает штурвал, тянет на себя, смотрит в иллюминатор левого борта – тело пилота все еще лежит в кресле.

Там, всего в 500 метрах, уже Франция. Полоска пляжа и берег за ним выглядят темными и необитаемыми. Неподалеку находится город Сен-Ло. А в Сен-Ло расположился пункт восстановления династии Шань. Они рассыпаны по всему миру.

Ему повезло оказаться рядом.

Он везучий.

Он переводит «Линкс» в режим зависания и вводит новый курс в навигатор автопилота, однако не активирует систему. Надевает спасательный жилет, но пока не трогает систему надувания – нужно сначала оказаться в воде. Находит водонепроницаемую сумку. В нее отправляются вещмешок Тиёко со всем содержимым, четыре MRE, браунинг пилота (модель Hi-Power Mark III), дополнительные боеприпасы, полевое снаряжение, GPS-навигатор, налобный фонарик. Затем Ань забирает нож пилота. Хватает второй спасательный жилет и моток веревки: отрезает от нее длинный кусок и привязывает конец к петле на сумке. Другой конец он закрепляет на своем спасательном жилете, а посередине привязывает второй жилет, предварительно его надув. Сумку он пока не опечатывает – рано. Сначала внутрь нужно положить еще кое-что.

Он нажимает красную кнопку тыльной стороной ладони, и дверь послушно отъезжает в сторону. Внутрь врывается поток прохладного, свежего и соленого воздуха.

Прежде чем прыгнуть в воду, Ань наклоняется над телом Тиёко, собирает в кулак прядь волос, достает нож.

– Прости, любимая. Я знаю, ты поймешь.

Тика нет.

Ань опускает нож и сначала отрезает прядь волос.

<http://eg2.co/203>

Сара Алопай, Яго Тлалок

Тоннель лондонского метро, возле Глостер-роуд

Они бегут. Сара опережает Яго, а для него нагнать ее – вопрос гордости. Он рвется вперед изо всех сил, но все равно не может дотронуться до кахокийки.

Погони за ними нет.

Локти Сары в движении, плечи – тоже: в руках она сжимает винтовку. Единственный источник света в этом тоннеле – налобный фонарик Сары и сигнальные огни для поездов: зеленые и красные, они чередуются с равными интервалами. Фонарик выставлен на минимальную мощность – всего 22 люмена, и на белый пластик надет красный фильтр.

Красное размытое пятно мечется по стенам тоннеля.

Яго это зрелище завораживает.

– Думаешь, это был спецназ? – кричит Сара через плечо.

Дыхание у нее даже не сбилось.

– Si. Или «МИ-6».

– Или и те, и другие.

– Четверо у двери, двое у окон, плюс поддержка снайпера, – пересчитывает Яго. – Как думаешь, сколько их было в грузовике снаружи? А в штаб-квартире?

– Трое или четверо на передвижной базе. Двадцать или тридцать в штабе.

– И наверняка у них был беспилотник.

– Наверняка. А это значит...

– Они видели, как мы сюда спустились.

– Ага. – Сара останавливается. Ботинки ее стоят в луже.

Тоннель разделяется. – Куда дальше?

Яго встает рядом с ней, плечи их соприкасаются. Он выучил тоннели лондонской подземки назубок – это входило в план побега. В отеле они повторяли его вместе с Сарой. Может, она не слушала его. Может, ее мысли в тот момент были заняты чем-то другим, как часто случалось в последнее время.

– Мы ведь говорили об этом, помнишь? – укоряет Яго.

– Извини.

– Северный ведет к станции Хай-стрит Кенсингтон – она почти на поверхности. Южный – сервисный, – напоминает он.

– Тогда на юг.

– *Quizás*. Но скоро эти тоннели будут кишеть агентами. Прошло всего, – он сверяется с часами, – четыре минуты и три секунды с того момента, как мы сюда спустились. Можно попробовать добраться до станции, сесть на поезд и исчезнуть.

– Тогда нам придется разделиться.

– *Si*. Встретимся в условленном месте. Ты его помнишь?

– Конечно, Фео.

Оба они понимают, насколько это важно. Ренцо не знает, что планы изменились, поэтому днем будет ждать их на аэродроме. Таков был уговор. Но учитывая события этого вечера, Яго и Сара должны покинуть Британские острова как можно скорее – *ASAFP*. Каждая лишняя секунда, проведенная в тоннелях – это лишний шанс для властей поймать их.

Яго указывает на крайний правый тоннель.

– Если мы воспользуемся сервисным тоннелем, получится дольше.

– Почему?

Яго вздыхает. То, что она так много забыла, тревожит его; хотя, возможно, она просто не слушала. Но Игроки ничего не забывают, не пропускают мимо ушей – особенно когда речь идет о планах спасения.

– Потому, – начинает Яго, – что нам придется использовать... Легкий порыв ветра заставляет его умолкнуть.

– Поезд, – спокойно произносит Сара.

И, не говоря больше ни слова, устремляется в северный тоннель. Решение принято. Ветер толкает ее в спину, тоннель заливают светом. Сара видит выемку в стене тоннеля, которую рабочие используют как укрытие при приближении поезда, и устремляется туда. Здесь может поместиться только один человек, но прямо напротив есть еще одна такая же.

Яго ныряет в нее, когда грохот поезда становится нестерпимым. Первый вагон утягивает за собой столько воздуха, что Саре становится тяжело дышать, волосы тянутся за ним вслед, обвиваясь вокруг шеи. На уровне глаз проплывают сидящие в вагоне пассажиры. В размытом облаке света, стекла и металла, которым кажется пролетающий менее чем в футах от нее состав, Саре удается разглядеть несколько лиц. Темнокожая женщина в красном шарфе, спящий старик с лысиной на макушке, девушка в нарядной одежде, возвращающаяся с ночной вечеринки.

Обычные, ничего не подозревающие люди.

Поезд прошел. Сара собирает растрепанные ветром волосы в хвост.

– Пойдем.

По мере приближения к станции свет становится ярче.

Она выключает фонарик. Вскоре они видят станцию. Поезд, который застиг их в тоннеле, как раз отправляется от платформы. Снизу можно разглядеть головы нескольких человек, направившихся к выходу.

Яго и Сара спешат к короткой лестнице, ведущей из тоннеля на платформу, стараясь оставаться в тени. Сара поднимает руку, указывает на камеры слежения, одна из которых спрятана за решеткой.

– Они увидят нас, как только мы поднимемся на платформу.

– *Si*. Подождем следующего поезда здесь.

Яго откручивает винт, который удерживает прицел на стволе винтовки. Ползет на животе по ступеням, стараясь подобраться как можно ближе к платформе, но при этом не попасть в поле обзора камер. Смотрит в прицел, как в бинокль. Обычная суматоха раннего утра. Людей немного, они тарашатся на экраны смартфонов, читают газеты и книги, просто смотрят в пустоту. В середине платформы Яго замечает бизнесмена: шляпа, темные

ботинки, свернутая в трубочку газета под мышкой. Он выглядит расстроенным – видимо, пропустил свой поезд.

– Все чисто. – Яго опускает прицел.

– Придется бросить винтовки.

– Пистолет еще у тебя?

– Да.

Яго еще раз оглядывает платформу. Молодая женщина с трехлетним ребенком. Рабочий в комбинезоне. Все тот же бизнесмен, который теперь углубился в газету.

Яго настраивает фокус на прицеле.

На бизнесмене отличный офисный костюм – и черные военные ботинки.

– *Mierda*. Черт!

– Что такое?

– Передай свою винтовку.

Сара протягивает ему оружие, не задавая лишних вопросов. Яго прикладывает его к плечу, взводит второй курок, чтобы выстрелить дротиком.

Снаряд вырывается из ствола с легким «пуф!». Мужчина слишком далеко и не слышит звука. Цифровой указатель у него над головой извещает, что следующий поезд в сторону Эджверроуд прибудет через одну минуту. Мнимый бизнесмен делает шаг назад, и дротик пролетает мимо его шеи, звякнув о рекламный щит.

Мужчина роняет газету и широко расставляет ноги, оглядываясь направо и налево. Подносит руку к уху и что-то говорит. Яго скатывается вниз со ступеней.

– Не попал. Нужно уходить.

– Кто-то тебя видел?

– Не думаю.

– Боже, Яго. Что значит «не думаю»?

Может, он тоже слишком небрежен. Слишком много бургеров, секса и попыток забыться.

Сара встает и тоже изучает платформу. А противник уже на двадцать шагов ближе. Бизнесмен – шляпа слетела, в руке пистолет – бежит в их сторону.

Яго вскидывает винтовку и, не глядя, взводит второй курок.

Еще дротик. Он попадает мужчине в щеку, прямо под глазом. Тот вздрагивает, падает, корчится на асфальте всего в 47 футах от них. Останавливается. Перекачивается. Ощупывает лицо и находит торчащий под глазом дротик. Борется, пытаясь оставаться в сознании, но ничего не выходит. Засыпает.

Громко кричит молодая мать.

Игроки поворачиваются и бегут. Чем дальше они от станции, тем меньше света в тоннеле. Сара включает фонарик. Она обгоняет Яго уже на несколько футов, когда оба чувствуют перемену в воздухе и видят приближающийся свет.

Поезд на Эджверроуд.

Сара бежит изо всех сил. Она добирается до безопасной выемки, когда поезд уже можно разглядеть, и ударяется плечом о бетонную стену.

Яго не успевает. Не может бежать так же быстро. Он всего в 13 футах, но сейчас это все равно что целая миля. Он смотрит на Сару, широко раскрыв глаза – белки сияют в свете фонаря поезда.

– Ложись! – кричит она, и тут в тоннель врывается поезд, отрезая ее от Яго.

Сигнал поезда гулко разносится по тоннелю, но он не тормозит. Громкий хлопок, искры, небольшой взрыв. Это попала под удар винтовка. После этого остается лишь грохот колес впереди, рвущий воздух ветер, угасающий отголосок сигнала. И снова Сара разгля-

дывает вагоны, только сейчас ее глаза полны слез. В поезде нет людей. Ни одного. Только в последнем вагоне толпится множество мужчин в черном.

У них оружие. Много оружия.

Поезд не стал тормозить именно потому, что они заметили Яго.

Заметили и решили убить.

Состав все же замедляет ход, когда поворачивает за угол и достигает станции. У нее есть всего одна минута, чтобы добраться до другого тоннеля. Сара смотрит в желоб между рельсами. Ни следа Яго. Приглядывается. Поднимает взгляд. Едва различимый в темноте клочок ткани медленно опускается на пути.

Клочок ткани того же цвета, что футболка Яго. Она делает шаг вперед в надежде найти еще что-нибудь, но замирает, различив в отдалении голоса. Мужские.

Раздраженные. Гневные.

Нет времени.

Ее трясет от страха. Нет времени узнать, что осталось от Яго Глалока.

Страх.

Она смахивает слезы рукавом, возвращается на пути и бежит прочь.

Убегает от новой смерти.

Смерти еще одного человека, которого она любила.

Эшлинг Копп

США, Нью-Йорк, Квинс, международный аэропорт имени Джона Кеннеди, Терминал 1, иммиграционный контроль, комната E-117

Эшлинг провела здесь уже один час и три минуты. Никто так и не пришел, никто не принес ей воды или хотя бы пакетик чипсов, никто не попытался связаться по внутренней связи. Комната абсолютно пуста: только стол и стул, стальное кольцо в полу и лампы дневного света – на потолке. Стол и стул тоже металлические, с закругленными краями, все стыки прочно сварены. Для верности ножки прикручены к металлическим пластинам, утопленным в бетонный пол. На белых с желтым оттенком стенах тоже ничего нет: ни картин, ни полок, ни вентиляции, ни даже двустороннего зеркала. Несмотря на это, Эшлинг уверена, что за ней наблюдают. В этом нет ни малейших сомнений. Где-то встроены камера и микрофон. Возможно, даже не один. Как иначе объяснить, что в комнате нет ничего, что может быть использовано как оружие, а охранники не стали надевать на нее наручники? Просто посадили на стул и ушли. С тех пор Эшлинг так и сидела неподвижно. Стоило двери закрыться – было слышно, как штыри скользнули в пазы, – как девушка погрузилась в медитацию. Их было трое. Шепот едва угадывался, но она все равно их слышала.

Один, два, три.

Нет выхода. *Здесь даже хуже, чем в пещере Италии.*

Эшлинг просто впускает в сознание любые образы, которым заблагорассудится возникнуть, и отпускает. По крайней мере, старается. Быть Игроком – еще не значит быть специалистом абсолютно во всем. Стрельба, борьба, слезка, скалолазание, выживание. Разгадывание загадок. Языки. Все это давалось ей отлично. Но что до необходимости сосредоточиваться на всякой чепухе вроде «оммм-оммм-оммм» – тут уж извините. Впрочем, и верный глаз ей не помог: Эшлинг все-таки не сбила тот самолет, когда это было действительно важно.

Когда это помогло бы спасти мир.

Отпусти. Отпусти.

Дыши.

Отпусти.

Она отпускает. Образы приходят и уходят. Воспоминания. Вот она сидит на голове горгульи (той, что глядит на северо-восток) на крыше Крайслер-билдинг, и струи дождя омывают ее лицо. Вот дикие грибы, добытые в Хадсон-вэллей. Вот боль, с которой ее легкие отзываются на попытки избавиться от набранной воды, – Лох-Оуэл, Ирландия, в тот раз она чуть не утонула. А вот еще кое-что: мерзкий страх, что она не сможет победить, не заслуживает победы или не должна даже пытаться выиграть. Сомнение в том, что каждый Игрок должен противостоять другим. Ярко-голубые глаза ее отца. Пугающий голос кеплера 22b. Спасение из Великой белой пирамиды. Сожаление о том, что арбалетный болт не достал ольмека на чердаке Большой пагоды диких гусей. Гнев, разгоревшийся в сердце, когда она поняла, о чем рассказывают рисунки в той итальянской пещере. Гнев, охвативший ее, когда она поняла, что сами Игроки – лишь пешки в игре кеплеров. Гнев, ставший ее спутником с тех пор, как она поняла всю несправедливость Игры. Гнев, благодаря которому она осознала, что Последняя Игра – просто грязь и боль. Гнев.

Отпусти.

Отпусти.

Дыши.

За дверью – шепот. Один, два, три. Поворачивается задвижка.

Эшлинг не открывает глаз. Слушает, принюхивается, ощущает.

Один человек. Дверь закрывается. Шепот. Один, два, три.

Заперта.

Женщина. Легко определить по запаху ее мыла.

Легкие шаги. Ровное дыхание. Может, она тоже медитирует.

Женщина пересекает комнату и останавливается по другую сторону стола.

Представляется.

– Офицер оперативного отдела Бриджит Макклоски. – Голос у нее хриплый, как у ресторанной певицы. Звучит внушительно. – Это мое настоящее имя. Не какой-нибудь бредовый псевдоним вроде *Деандры Белафонты Купер*. Или мне следует называть вас *Эшлинг Копп*?

Эшлинг распахивает глаза. Взгляды их встречаются. Макклоски не такая, какой Эшлинг ожидала ее увидеть.

– Итак, вы признаете, что паспорт фальшивый, – произносит Макклоски.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Я говорю «Эшлинг Копп» – и вы открываете глаза. В моей «книге признаний» такая реакция получает сто баллов из ста. – Книга признаний? Вы говорите о «Пятидесяти оттенках серого»? Или о «Письмах в пентхаус»?

Макклоски качает головой, на ее лице отражается разочарование. Женщине немногим больше сорока. Волосы у нее тоже рыжие, собраны в тугий хвост. Ото лба через всю голову бежит седая прядь, как у невесты Франкенштейна. Длинноногая, стройная, привлекательная,

как девушка из «Плейбоя», которая несколько лет назад вышла из подходящего возраста. Образ завершают очки в алюминиевой оправе, макияжа почти нет. Глаза зеленые.

Только сильные руки с узором вен выдают истину: она серьезный профессионал. В возрасте Эшлинг она, наверное, была потрясающей.

– Вы удивитесь, если узнаете, как часто я слышу подобные тупые шуточки, – отвечает Маккლოსки.

– Тогда стоит сменить работу.

– Смешно. Я люблю свою работу. Люблю беседовать с людьми вроде вас.

– Вроде меня?

– С террористами.

Эшлинг не вздрогнула и не произнесла ни слова. С точки зрения правоохранительных органов все Игроки могут считаться террористами – и ей это прекрасно известно.

Но что эта женщина знает о Последней Игре?

– Что, остроумных замечаний больше не будет? Тогда позвольте напомнить, что вы были задержаны при попытке пересечь границу США под вымышленным именем.

– Я арестована?

– Арестованы? – Маккლოსки фыркает. – Как забавно. Нет, мисс Копп, я не из того отдела правительства, который занимается арестами. Я из... *другого* отдела. Маленького и уникального. Того, который работает с террористами. Очень тесно и в индивидуальном порядке.

– Тогда у вас будут проблемы. Я не террористка. – Неужели! Вы утверждаете, что все это лишь большое недоразумение?

– Да.

– Значит, если я скажу, что вы состоите в одной очень древней подпольной группировке и по призыву руководства сделаете что угодно ради достижения цели, это будет ошибкой?

– Подпольной группировки? Вы что, шутите?

Маккლოსки снова качает головой.

– Не шучу. Слышали, что случилось в Сиане? Вы имеете к этому отношение?

При упоминании о китайском городе сердце Эшлинг пускается вскачь. По шее пробегает дрожь. Если она не справится с реакциями тела, ее прошибет холодный пот. Этого нельзя допустить. Особенно перед этой женщиной, которая, похоже, и так слишком много знает.

– Вы о метеорите? Думаете, его моя подпольная группировка уронила? Поверьте, если бы я могла контролировать метеориты, меня бы уже тут не было.

Если бы я могла контролировать метеориты, не было бы События. – Нет, не думаю. К метеориту мы еще вернемся. Я говорю о бомбе в доме некоего Аня Лю. Это случилось чуть больше недели назад.

Имя колет Эшлинг уши. Получается, эта женщина знает о самом опасном Игроке Последней Игры, самом опасном и непредсказуемом. Если бы у Эшлинг было право выбрать и убить кого-то из Игроков, это был бы парень из династии Шань. Но она скрывает чувства, приподнимает бровь, невинно спрашивает:

– Аня Лю? Девушка?

– Молодой человек. Еще один член вашей группировки. Теперь сердце у Эшлинг колотится, как бешеное, но не от страха, а от обиды. Эшлинг и в голову не приходило, что кто-то может причислить всех Игроков к членам одной группы. В каждого из них с детства вбивали, что каждая из 12 Линий – сама по себе: «Я борюсь за свою Линию, а остальные Линии – против меня». Поэтому сама мысль о том, что они ничем не отличаются друг от друга, кажется ересью.

Ересью!

И хуже того. Ее равняют с этим парнем из династии Шань. Этим дёрганым придурком.

– Я не знаю никого по имени Ань Лю, – спокойно говорит она. – И я не из какой-то китайской подпольной группировки. Макклоски присаживается на краешек стола и начинает изучать собственные ногти. Отодвигает кутикулу.

– Хорошо, допустим, подпольная группировка – не совсем правильный термин. Вы – и Ань Лю – предпочитаете называть это Линиями. Так будет лучше, Эшлинг Копп?

– Нет, – выпаливает Эшлинг слишком быстро и тут же жалеет об этом.

– Ага. А что насчет этого:?

Эшлинг бегло говорит по-арабски и знает, что это значит. Она напрягается. Дергается так сильно, что стул громко скрипит под спиной и ногами.

– Я так и думала.

Эшлинг морщится.

– Вам кажется, что вы что-то знаете. Но вы не знаете ничего. – И здесь ты ошибаешься, Копп. Я знаю, что существует двенадцать древних Линий и ты принадлежишь к латенской. Я знаю, что Ань Лю тоже принадлежит к одной из них – к династии Шань. Я знаю настоящие имена пятерых членов Линий. С тех пор как упал первый метеорит, вы все «играете» друг против друга за какой-то приз. И будете продолжать играть, пока не наступит конец света. Который, к сожалению, наступит очень скоро.

– Вы сошли с ума.

– Лучше бы я сошла с ума, Копп. Но я просто ознакомилась с материалами... Некоторые из них Агентству предоставил не кто иной, как твой отец, Деклан, когда ты еще пешком под стол ходила...

– Мой *отец*? Вы, наверное, шутите. Мой отец был сумасшедшим, – бросает Эшлинг. Она сбросила свою маску.

Больше нет нужды притворяться.

– Я это знаю. Он был сумасшедшим, опасным настолько, что его собственный отец, твой дед, вынужден был его прикончить.

– Знаю.

– Хорошо. Благодарю за честность.

На несколько минут в комнате воцаряется тишина: Макклоски изучает ногти, Эшлинг тихо закипает. Она знает, что должна молчать, выждать, но...

– Какого *черта* вы меня удерживаете?

Макклоски соскальзывает со стола и опирается на него ладонями.

– Буду откровенна с тобой, Копп. Не потому, что мне так приказали, – хотя мне и вправду приказали. А потому, что я этого хочу. Я видела много дряни. Больше, чем ты можешь себе представить, – хотя ты можешь представить многое. Я знаю, кто ты, но ты не знаешь, кто я, где мне пришлось побывать и что сотворить. Ничего не знаешь о людях, которым я причинила боль. И то, каким именно способом я это делала. Я видела ужасные вещи. Странные вещи. Видела то, что не принадлежит этому миру в буквальном смысле слова.

И ты понимаешь, что я имею в виду.

– Вы говорите, как мой отец. Как безумец.

– Не прикидывайся дурой, Копп. На это нет времени. Событие приближается, мы обе это знаем. Двенадцать метеоритов, те, что разбудили ваши Линии, – это всего лишь прелюдия. Будет еще один. И он уничтожит все.

Глаза Эшлинг расширяются, рот приоткрыт. Для обычного человека эта женщина слишком много знает.

– Откуда вам это известно?

– Я же говорила. Твой отец предоставил нам кое-какие материалы, но у нас есть и свои источники. Мы даже входили в контакт с набатейцами. Их Игрок, Маккавей Адлай – социопат в пограничном состоянии. Знаешь его?

– Не особо.

– Чокнутый симпатичный засранец. Общаться с набатейцами было интересно, но страшно. Когда наши пути пересеклись впервые, когда мы почти разобрались, что такое Последняя Игра, они уничтожили почти всех полевых агентов и штабных офицеров в Иордании – а заодно и несколько сотен гражданских, включая детей. Просто ради того, чтобы мы ничего не узнали.

– Последняя Игра. Так вы *знаете*.

– Не все, но многое. И самое главное – что весьма печально, – мне известно о гигантской космической глыбе, которая летит к нашей планете. И этого джинна не утаить в бутылке, как бы мы ни старались.

– Вы знаете, где он упадет? – спрашивает Эшлинг, хотя внутри все переворачивается при необходимости говорить об этом с кем-то, не причастным к Игре.

– Приблизительно, – раздраженно отвечает Маккლოსки. – Яйцеголовые из НАСА уверены, что смогли это рассчитать. Они засекли его несколько дней назад; благодаря нашему уровню допуска и интересу к возможным контактам со внеземными цивилизациями мы тоже это быстро узнали.

– Где он *упадет*?

– Это секретная информация.

– К черту секретность. Скажите мне.

– Не могу. Не сейчас.

– А когда?

– После того, как ты мне кое-что пообещаешь, Копп.

– И что же?

Маккლოსки на мгновение замолкает.

– Знаешь ли, Копп, я не хотела с тобой возиться. Мне было интересно другое направление.

– Какое?

– Это тоже засекреченная информация. Хотя я могу сказать, что в него входили разработки по избавлению от наших инопланетных предков. Навсегда. Но потом упали метеориты, и мы поняли, что уже слишком поздно. Ясно тебе?

– Вы даже не представляете насколько.

Маккლოსки впервые смотрит на нее с долей сочувствия. – Возможно, и правда не представляю. Я знаю, какую вы проходите подготовку, и видела, на что вы способны. Это впечатляет. Ты лучше и способнее любого спецназовца на Земле. А некоторые из вас – еще и беспощаднее.

Очень опасная группа. Впрочем, сейчас это уже неважно. Игра началась. Последний отсчет пошел, и раз уж мы говорим начистоту, скажу тебе: мне и мои коллегам страшно. Мы долго обсуждали это решение и в конце концов решили пойти с тобой.

– И что, черт возьми, это значит?

– Это значит, что если в этой игре действительно можно победить и победитель получает гарантии выживания членов своей Линии, то мы позаботимся о том, чтобы победила *ты*.

Эшлинг улыбается. Она поняла.

– Вы тоже латенка.

Маккლოსки стучит пальцем по носу.

– В яблочко. Мы тоже латены. Как и четверть всех американцев и пятая часть европейцев. Эшлинг Копп, ты *наш* Игрок. Сердце Эшлинг снова подпрыгивает в груди. Это уж слишком. Секретный агент правительства – никто в Последней Игре – не должен всего этого знать. Куда катится мир?

Маккლოსки наклоняется вперед.

– Вот почему ты здесь, Копп: чтобы я могла предложить тебе помощь. Впрочем, особого выбора у тебя нет. Мы уже в это впутались. Наша маленькая команда специалистов – смертоносных, талантливых, близких по духу и умеющих работать вместе – поможет тебе найти ключи, убить всех, кого нужно, и победить. Мы будем с тобой до конца – до самого конца, черт бы его подрал.

Эшлинг откидывается на спинку. Выпрямляется. Ей очень хочется оказаться подальше от этой комнаты и этой женщины. – Могли бы сразу сказать, – замечает Эшлинг.

– Не могли. Мы хотели познакомиться с тобой, оценить нашу юную звезду, – с усмешкой отвечает Маккლოსки. – Эшлинг, детка! Ты – чокнутый, опасный латенский Игрок, а мы – твои самые преданные фанаты.

Маккавей Адлай, Екатерина Адлай

Германия, Берлин, административный округ Лихтенберг, Арендсвег, 11, стерильное подвальное помещение

– Пройдет какое-то время, прежде чем она заработает идеально, – произносит Екатерина Адлай на почти забытом языке набатейцев. Это язык-поток, разбавленный там и сям вкраплениями гортанных слогов, придающих ему сходство с арабским. Для нее, как и для Маккавея, знание этого языка – повод для гордости. Комната ярко освещена, в ней прохладно, негромко гудит где-то над головами система отопления и вентиляции. Из аудиосистемы «Сонос», стоящей в углу, доносятся первые аккорды концерта ре-минор Баха для двух скрипок.

На Екатерине хирургический костюм и очки; часть лица закрыта маской. Жужжат и позвякивают медицинские аппараты. Трубки, жидкости, пакет с кровью. Екатерина склоняется над голубой стерильной тканью, закрывающей руку мальчика: видно, что кожа на ней испачкана кровью и йодом. Культия запястья теперь заканчивается черной механической анодированной рукой, напичканной волокнисто-оптическими проводами и титановыми связками, подключенными к сверхтонкому прототипу литиевой батареи со сроком службы до 10 000 часов. Работа с инструментами, объединившими теплую плоть и холодный металл, уже закончена, и на смену им приходят вольтметр и паяльник.

Маккавей – в таком же костюме. Он ассистировал Екатерине. Она прикасается паяльником к кончикам механических пальцев: работа уже завершена, но это даст им болевой импульс и позволит проверить реакцию. Мизинец – есть реакция, безымянный – успешно. Средний палец, который немного толще обычного, дергается при прикосновении, так что становится слышно жужжание скрытых сервомоторов.

– И когда она заработает, – говорит Екатерина, – твоему другу нужно будет научиться ею пользоваться.

– Он мне не друг.

Екатерина смотрит на Маккавея, в ее взгляде читается понимание. Сквозь линзы очков глаза кажутся огромными, как у совы, изучающей лес в поисках малейшего движения в пасмурную ночь. Над верхней губой у нее – темная родинка.

– Я так и думала. То, о чем мы говорили, – внутри. Она касается паяльником указательного пальца, но тот не двигается. Раскаленный металл остается на месте две секунды, три. Ничего. Тогда женщина убирает прибор и поворачивается к компьютеру. Нажимает несколько клавиш, переписывая код, подключая нервы к проводам.

– Я дам тебе пульт для активации, – говорит она. – Но включи его только тогда, когда будешь полностью готов, милый.

Ты придумал эти спецификации, я в них ничего не понимаю.

Капсула с ядом или взрывчатка были бы... проще.

– Их можно обнаружить при сканировании, Екатерина.

– Которое проведет этот маленький дикарь?

– Он умнее, чем кажется. Так будет лучше.

Она перестает печатать, снова берется за паяльник, возвращается к указательному пальцу. Теперь он отзывается на прикосновение. Екатерина смотрит на цифры новых настроек, которые ползут по экрану монитора: 3-0-7-0-0 – и удовлетворенно кивает.

– Хорошая работа, Екатерина. Превосходно.

– Спасибо. – Она подносит раскаленное до 418 градусов по Цельсию железо к большому пальцу.

Рывок.

Ладонь.

Рывок.

Нижняя часть.

Рывок.

Она опускает паяльник и снимает маску и очки. Стягивает хирургические перчатки. Берет сложенный серый хлопковый платок и вытирает лицо. Выключает яркую лампу над столом.

Потирает руки после долгих часов сосредоточенной работы. – И все равно, милый, я бы на твоём месте постаралась оказаться от него подальше в момент активации.

– Окажусь. Какой радиус действия у пульта?

Екатерина пересекает комнату, направляясь к полке, в животе у нее урчит.

– Не больше семи метров. – Она открывает небольшую коробку и что-то оттуда достает. – Умираю от голода.

– Я тоже. У меня для тебя сюрприз.

Екатерина оборачивается с улыбкой:

– Какой?

– Лучший столик в «Фишерс Фриц». – Он тоже широко улыбается, смотрит на часы. – Такси прибудет за нами через час.

Екатерина – сейчас она чуть полнее, чем в юности, и куда больше предпочитает житейские радости, – слегка подпрыгивает от восторга, хлопает ладонью свободной руки по сжатой второй.

– «Фишерс Фриц»? Как тебе это удалось? Неужели там работает кто-то из нашей Линии?

Маккавей красноречиво потирает большой палец указательным и средним.

– Нет, Екатерина. Я сделал все по старинке.

– Что ж, – говорит она, сияя от радости и уже обдумывая меню. – Вот пульт.

Маленькая металлическая трубка летит через всю комнату и приземляется в ладонь Маккавея. Он переворачивает ее, открывает крышку. Под ней – красная кнопка.

– Нажать три раза подряд. – Екатерина трижды топает ногой, показывая, в каком ритме.

– И все?

– И все. Отменить нельзя. Обратного пути не будет.

– Отлично.

Екатерина осматривает комнату, проверяя, не забыла ли чего-то. Не забыла. Пищат и гудят медицинские аппараты. Маккавей и Екатерина слышат ровное и глубокое дыхание Байцахана.

– «Фишерс Фриц», – мечтательно произносит она. – Замечательный сюрприз.

Маккавей сияет. Кладет руку ей на плечо. Слегка сжимает.

– Да, мама. Ты, я и бутылка шампанского «Крюг» 1928 года.

Отличный последний обед.

* * *

ОТ: wm.s.wallace58@gmail.com

КОМУ: lookslikecandy@gmail.com

ТЕМА: ПРИВЕТ – ПОЖАЛУЙСТА, ПРОЧТИ НЕМЕДЛЕННО!

ПРИОРИТЕТ: СРОЧНО

Привет, Касс.

Это Уилл. Что вполне очевидно. Как ты? Как Пити и Гвен, как поживает маленький болван Крабэпл? Иоахим получил, наконец, работу в госпитале?

Ладно, дело вот в чем. Я специально завел аккаунт на Gmail, чтобы сообщить тебе кое-что, о чем нельзя писать с адреса, зарегистрированного в НАСА. Это секретно. Очень, очень секретно. Но и ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ важно. Не хочу тебя пугать, но это вопрос жизни и смерти. Твоей, и твоих детей, да и, что уж там, вообще всех вокруг. Не просто вокруг тебя – вообще всех вокруг, всех, кто живет в радиусе сотни миль от Атлантического океана. А возможно, и всех, кто живет на планете Земля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.